

Лекція друга

ОРАТОРСЬКЕ МИСТЕЦТВО У СТАРОДАВНЬОМУ СВІТІ. ПЕРЕДУМОВИ ФОРМУВАННЯ КРАСНОМОВСТВА У ГРЕЦІЇ

Історики Греції V-VI ст. до н.е. зберегли для нащадків імена великих діячів афінської демократії. Важливо, що люди ці досягли значного авторитету і політичної могутності завдяки своєму вмінню переконання та ораторському мистецтву. Найбільш відомими серед них були *Фемістокл* (525-460 до н.е.) – афінський стратег і полководець, який очолював демократичну спільноту і був творцем морської могутності Афін. Не менш авторитетним діячем був і політичний супротивник Фемістокла полководець *Аристид* (540-467 до н.е.), який заснував і очолив Афінський морський союз.

Утім, неперевершеним майстром слова все-таки був вождь афінської демократії *Перикл* (490-429 до н.е.). Він зробив значні перетворення у суспільному житті, ввів платню посадовим особам. Навіть супротивники називали його Олімпійцем за здатність приголомшувати душі слухачів за допомогою слова. Насамперед він привертав до себе увагу твердою логікою і упевненістю в своїй правоті. Перикл не намагався вразити слухачів, був вільний від пафосу і розпалювання емоцій у слухачів. На ораторській трибуні він тримався спокійно і з гідністю, не жестикулював. Ніколи не сміявся сам і не смішив інших. Ретельно готувався до своїх промов, відповідав лише на ті запитання, на які міг відповісти.

Перикл вважав, що «людина, яка не займається суспільною діяльністю – зайва», а тому наполегливо відстоював

принципи демократії. Інколи, у найбільш складних ситуаціях, він вдавався до патетики. Прощаючись із загиблими молодими воїнами, він сказав, що втрата молодих має для суспільства таке ж значення, якби із року зникла весна. Віддаючи шану загиблим у іншій ситуації, він сказав: «Визнавши більш благородним вступити у боротьбу на смерть, аніж уступити, рятуючи життя, вони уникли звинувачень у боягузстві, і вирішальний момент прощання із життям був для них і кінцем страху, і початком посмертної слави». Застосовував Перикл і риторичні прийоми, наприклад, градацію: «Адже той, хто добре розбирається у справі, але не може роз'яснити це іншому, не кращий від того, хто сам нічого не змислить; хто може і те і інше, маючи талант і красномовство, але до міста ставиться недоброзичливо, не стане подавати добрі поради як той, хто любить батьківщину; нарешті, якщо людина любить батьківщину, але не може встояти перед підкупом, то вона може все продати за гроші».

СОФІСТИ

У період розквіту рабовласницької демократії в V ст. до н.е. з'явився новий тип філософа. Це було викликане новими суспільними потребами в загальній і політичній освіті, якої потребували розвиток політичних та судових закладів, наукова, філософська і художня культура. Таким чином з'явилися софісти. Слово «софіст» спочатку означало «мудрець», «винахідник», «умілець», «мастак», а з другої половини століття стало назвою певного типу філософа-професіонала, вчителя філософії, людини, яка заробляла собі на життя інтелектуальною працею. За свою працю вони брали досить високу плату.

Навчити мислити, говорити і робити – у цьому полягало завдання софістів як перших платних вчителів чеснот. Поява софістики пов'язується із зростанням авторитету риторики. Софістика і риторика – споріднені мистецтва. Платон вважав, що «софіст і ритор – одне й те ж або близькі один до одного». Великі заслуги софістів у галузі філології. Софіст Протагор прославився своїм мистецтвом правильного застосування слів: поділив імена на чоловічі, жіночі і середні,

а саму мову на чотири види: прохання, питання, відповідь і свідчення. Софіст Продік Кеоський перший звернув увагу на синоніми, намагаючись розрізнити відтінки у їх змісті.

Аристотель досить ретельно досліджував особливості софістичних вивертів і спростувань. Він зазначав, що число предметів і речей необмежене, а число слів і імен — обмежене. Тому одне й те ж слово і одне ім'я можуть мати багато значень. Досвідчені вводять в оману тих, хто не вміє користуватись словами.

Софісти воліють здаватись мудрими, шукають вигоди від удаваної мудрості. Тому Аристотель вважав за потрібне дослідити типову аргументацію софістів. Аргументи *повчальні* походять від власних начал науки і від розуміння того, хто відповідає. Їм слід довіряти. Аргументи *діалектичні* доводять від правдоподібного до одного з членів протиріччя. Аргументи *випробувальні* — це такі, що спираються на положення, які той, хто відповідає, вважає правильними. Аргументи *еристичні* спираються на думки, які здаються правдоподібними.

Аристотель вбачає п'ять цілей софістів у їх суперечках, які частіше ведуться заради самих суперечок і заради бажання будь-що здолати супротивника. По-перше, софісти мають намір створити видимість того, що вони спростовують. Наприклад, «П'ять — це два і три. Таким чином, п'ять — це парне і непарне». «Якщо Кориск не те ж, що Сократ, а Сократ — людина, Кориск не те ж, що людина». По-друге, софісти схильні довести, що їх співрозмовник говорить неправду. Наприклад, «Кого слід слухатись — мудрих чи свого батька?». По-третє, софісти воліють привести співрозмовника до того, що не узгоджується із загальноприйнятим. Скажімо, «Що ліпше — потерпати від несправедливості чи робити шкоду іншому?». Питання непросте. Адже щаслива людина обов'язково справедлива? І тиран також щасливий? По-четверте, софісти мали на меті примусити співрозмовника робити огріхи в промові. Наприклад, досить-таки пусте запитання: «Чи існує потяг до задоволення?» Але «Потяг — це вже прагнення задоволення!» Таким чином, одне й те ж повторюється. По-п'яте, софісти намагались примусити свого співрозмовника часто говорити одне й те ж, тобто повторюватись. От по-

гляньте, «Чи добре вивчати те, що знати добре?» Але знати погане добре! Таким чином, «Погане – добрий предмет для вивчення!» Або ще таке: «Чи топчуть ногами те, що проходять? Так. Але хтось ходив цілий день!»

Серед перших софістів зазвичай називають Корака і Тисія. Обидва вони походили із Сицилії. Корак був відомим державним діячем, який намагався за допомогою слова схилити демос до корисного і відвернути від некорисного. Пізніше він відкрив школу, в якій став викладати на основі свого досвіду судової практики. Він випустив збірку «загальних місць» – хрестоматію готових прикладів для заучування, щоб оратори використовувати їх у своїх виступах. Його учень і соратник Тисій завершив роботу, створивши теоретичний посібник *техне*, у якому не було прикладів, а були рекомендації стосовно структури ораторських виступів.

З іменами Корака і Тисія пов'язують історичний анекдот із софістичним підґрунтям. Як учень Тисій повинен був після навчання мистецтву переконали заплатити винагороду своєму вчителю. Але він відмовився це зробити. Тоді Корак притягнув його до суду. Тисій заявив: «Якщо ти навчив мене мистецтву переконати кого завгодно, то ось я тебе переконую нічого з мене не брати. Якщо ж ти мене не навчив переконувати, то і в цьому випадку я тобі нічого не винен, тому що ти не навчив мене тому, чому обіцяв». На це Корак заперечив: «Якщо, навчившись у мене мистецтву переконувати, ти переконуєш мене нічого з тебе не брати, ти повинен віддати мені винагороду, тому що ти вмієш переконувати. Якщо ж ти мене не переконуєш, то ти знову ж таки повинен заплатити мені гроші, бо я не переконаний тобою не брати з тебе грошей». Судді вислухали обох і замість вироку сказали щось подібне нашій поговорці: «Ворон ворону ока не виклює». А комізм ситуації полягав у тому, що на грецькій мові *корак* означає *ворон*.

Найбільшої слави як видатний ритор зазнав Горгій з Леонтини (480-380 до н.е.). Дуже глибоко і аргументовано демонструє Платон у своїх діалогах «Горгій» і «Федр» особливості ораторського мистецтва Горгія. Дискутуючи з Сократом, Горгій стверджував, що ритор – майстер переконування. Володіючи цим мистецтвом, ти будеш здатний переконати словом і

суддю в суді, і радників у раді, і народ у народному зібранні. Володіючи такою силою, ти і лікаря будеш тримати у рабстві, і вчителя гімнастики, і підприємця, який наживатиме гроші саме для того, хто вміє переконувати словом, запевняв Сократа оратор Горгій. Головну хибу у софістиці Горгія відразу визначає Сократ, і її можна сформулювати словами самого Горгія: «...не існує предмета, про який оратор не сказав би перед юрбою переконливіше, ніж будь-хто із знавців своєї справи».

Сократ відразу спіймав Горгія на слові: «Але «у юрби» – це, звичайно, означає у невігласів? Тому що у знавців навряд чи він знайде більше довіри, ніж лікар». Горгій погодився, тим самим визнавши, що невіглас серед невігласів матиме більше довіри, ніж будь-який спеціаліст. Таким чином, зрозуміло, що для софіста головне – досягти успіху в публічній дискусії, а не наблизити слухачів до істини.

Софіст Горгій створив у Афінах школу красномовства. Ораторська манера Горгія імпонувала слухачам своїми антитезами і римованим співзвуччям слів. Протиставлення понять і пов'язана з цим гра слів перетворювалась у нього на членування мови на симетричні відрізки із свідомо підбраною співзвучною кінцівкою. Саме Горгій вперше уважно аналізує звукову організацію словесних засобів, застосовуваних у молитвах, наговорах і поезії, та переносить їх у свою мову. Він сам говорить про це так: «Заклинання, проникнуті божественною силою мови, і радість приносять, і печаль відвертають, тому що сила заклинання, поєднуючись з людською думкою, чарує її, переконує і робить іншою засобами свого чаклунства. Існує два способи чарування: чарування духу та обман думки». Звідси зрозуміло, що чарування духу і обман думки і є головними атрибутами софістичного релятивізму. Така риторика, яка паплюжить істину і потурає пануючим у юрбі оманам, просякнута духом аморальності й нещирості і не приносить народу користі, зазначали Сократ і Платон.

Антична традиція приписує Горгію винахід словесних фігур, відомих нині як *горгіанські фігури*. *Антитеза* – сполучення членів фрази, які знаходяться між собою у відношенні протилежності (напр., «приємно лестощі починаються і гірко вони закінчуються»). *Рівночленованість*, або *ісоколон* –

симетрія складів, вирівнювання між собою синтаксичних членів речення. *Співзвуччя закінчень* – звичайна прикраса анти-тези (напр., «Чи була вона силою викрадена, чи промоваи улещена, чи коханням охоплена?»).

Значної слави Горгій набув як майстер урочистого красномовства, яке пізніше Аристотель назвав епідейктичним. У цій галузі красномовства треба було майстерно хвалити все розмаїття оточуючого від ординарного (похвала глечикам, мишам, камінцям) до найпрестижнішого (похвала місту, правителю). Вміння хвалити передбачає три аспекти: як хвалити найбільш ефектно і благозвучно, за що хвалити, для чого хвалити. Похвала могла бути основною темою промови з метою прославлення (пізніше такою стала *ода*), а могла бути лише частиною промови, наприклад, у епітафіях (надгробних промовах).

Секрет ораторського таланту Горгія полягав ще і в тому, що він умів по-новому перетлумачити факти і надати їм несподіваного відтінку. Обігруючи відому протилежність «сильний-слабкий», у своїй поемі «Олена» Горгій дає ряд подвоєних антитез, кожна з яких важко заперечити:

Від природи не слабкий сильному засторога,

А сильне слабкому влада і вождь.

Сильний веде, а слабкий слідом іде.

А в результаті контрастних протиставлень Горгій буде умовивід, який безапеляційно виправдовує Олену, винуватицю Троянської війни: «Бог сильніший від людини і могутністю, і мудрістю, як і в усьому іншому: якщо Богу або випадку ми вину повинні приписати, то Олену вільною від безчестя повинні визнати...». Граючи контрастами, можна було справляти сильне враження на слухачів, а тому доводити речі прямо протилежні.

Утім, що є краще, аніж увічнене у тексті слово самого Горгія.

ГОРГИЙ. Похвала Елене

«Славою служить городу смелость, телу – красота, духу – разумность, речи приводимой – правдивость; всё обратное этому – лишь бесславие. Должно нам мужчину и женщину, слово и дело, город и посту-

пок, ежели похвальны они – хвалою почитать, ежели непохвальны – насмешкой сразить. И напротив, равно неумно и неверно достохвальное – порицать, осмеяния же достойное – восхвалять. Предстоит мне здесь в одно и то же время и правду открыть, и порочащих уличить – порочащих ту Елену, о которой единогласно и единодушно до нас сохранилось и верное слово поэтов, и слава имени её, и память о бедах. Я и вознамерился, в речи своей привести разумные доводы, снять обвинение с той, которой довольно дурного пришлось услышать, порицателей её лжицими вам показать, раскрыть правду и конец положить невежеству.

Что по роду и породе первое место меж первейших жен и мужей занимает та, о ком наша речь, – нет никого, кто бы точно об этом не знал. Ведомо, что Леда была её матерью, а отцом был бог, слыл же смертный, и были то Тиндарей и Зевс: один видом таков казался, другой молвою так назывался, один меж людей сильнейший, другой над мирозданием царь. Рождённая ими, красотой была она равна богам, её открыто являя, не скрыто тая. Многие во многих страсти она возбудила, вокруг единой себя многих мужей соединила, полных гордости гордою мощью: кто богатства огромностью, кто рода древностью, кто врожденною силою, кто приобретенною мудростью; все, однако же, покорены были победной любовью и непобедимым честолюбьем. Кто из них и чем и как утолил любовь свою, овладевши Еленою, говорить я не буду: известное у знающих доверье получит, восхищенья же не заслужит. Посему, прежние времена в нынешней моей речи миновав, перейду я к началу предпринятого похвального слова и для этого изложу те причины, в силу которых справедливо и пристойно было Елене отправиться в Трою.

Случая ли изволением, богов ли велением, неизбежности ли узаконением совершила она то, что совершила? Была она или силой похищена, или речами улещена, или любовью охвачена? Если примем мы первое, то не может быть виновна обвиняемая: божьему промыслу

людские помыслы не помеха – от природы не слабое сильному препона, а сильное слабому власть и вождь: сильный ведёт, а слабый следом идет. Бог сильнее человека и мощью и мудростью, как и всем остальным: если богу или случаю мы вину должны приписать, то Елену свободной от бесчестья должны признавать. Если же она силой похищена, беззаконно осилена, неправедно обижена, то ясно, что виновен похититель и обидчик, а похищенная и обиженная невиновна в своем несчастье. Какой варвар так по-варварски поступил, тот за то пусть и наказан будет словом, правом и делом: слово ему – обвинение, право – бесчестие, дело – отмищение. А Елена, насилью подвергшись, родины лишившись, сирогою оставшись, разве не заслуживает более сожаления, нежели поношения? Он свершил, она претерпела недостойное; право же, она достойна жалости, а он ненависти. Если же это речь её убедила и душу её обманом захватила, то и здесь нетрудно её защитит и от этой вины обелит. Ибо слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отворотить, вызвать радость, усилить жалость. А что это так, я докажу – ибо слушателю доказывать надобно всеми доказательствами.

Поэзию я считаю и называю речью, имеющей мерность; от неё исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слёзы, и страсть, обильная печалью; на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданием страждет душа – по воле слов. Но от этих речей перейду я к другим. Боговдохновенные заклинания напевом слов сильны и радость принести, и печаль отвести; сливаясь с души представленьем, мощь слов заклинаний своим волшебством её чарует, убеждает, перерождает. Два есть средства у волшебства и волхвования: душевные заблуждения и ложные представления. Исколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство! Если б во всём все имели о прошедших делах воспоминанье,

и о настоящих пониманье, и о будущих предвиденье, то одни и те же слова одним и тем же образом нас бы не обманывали. Теперь же не так-то легко помнит прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее, так что в очень многом очень многие берут руководителем души своей представление – то, что нам кажется. Но оно и обманчиво, и неустойчиво, и своею обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды.

Что же мешает и о Елене сказать, что ушла она, убеждённая речью, ушла наподобие той, что не хочет идти, как незаконной если бы силе она подчинилась и была бы похищена силой. Убежденью она допустила собой овладеть; и убеждение, ей овладевшее, хотя не имеет вида насилия, принуждения, но силу имеет такую же. Ведь речь, убедившая душу, её убедив, заставляет подчиниться сказанному, почувствовать сделанному. Убедивший так же виновен, как и принудивший; она же, убеждённая, как принуждённая, напрасно в речах себе слышит поношение. Что убежденье, используя слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно, – это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: они, мнением мнение сменяя, одно уничтожив, другое придумав, всё неясное и неподтверждённое в глазах общеглоумения заставляют ясным явиться; затем – из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться; а в-третьих – из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка остроумия: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! Одинаковую мощь имеют и сила слова для состоянья души, и состав лекарства для ощущения тела. Подобно тому, как из лекарств разные разно уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, – так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти пугают, иным же, кто слушает их, они храбрость внушают. Бывает, недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают.

вают. Итак, этим сказано, что, если она послушалась речи, она не преступница, а страдальца.

Теперь четвертою речью четвертое я разберу её обвинение. Если это свершила любовь, то нетрудно избегнуть ей обвинения в том преступлении, какое она, говорят, совершила. Всё то, что мы видим, имеет природу не такую, какую мы можем желать, а какую судьба решила им дать. При помощи зрения и характер души принимает иной себе облик. Когда тело воина для войны прекрасно оденется военным оружием из железа и меди, одним чтоб себя защищать, другим чтоб врагов поражать, и узрит зрение зрелище это, и само смутится, и душу смутит, так что часто, когда никакой нет грозящей опасности, бегут от него люди, позорно испуганные: изгнана вера в законную правду страхом, проникшим в душу от зрелища: представ перед людьми, оно заставляет забыть о прекрасном, по закону так признаваемом, и о достоинстве, после победы часто бываемом. Нередко, увидев ужасное, люди теряют сознание нужного в нужный момент: так страх разумные мысли изглушает, и изгоняет. Многие от него напрасно страдали, ужасно хворали и безнадежно разум теряли: так образ того, что глаза увидали, четко отпечатлевался в сознании. И много того, что страх вызывает, мною опущено, но то, что опущено, подобно тому, о чём сказано. А вот и художники: когда многими красками из многих тел тело одно, совершенное формой, они создают, то зрение наше чаруют. Творенье кумиров богов, создание статуй людей – сколько они наслаждения нашим очам доставляют! Так через зренье обычно бывает: от одного мы страдаем, другого страстно желаем. Много умногих ко многим вещам и людям взгорается страсти, любви и желанья.

Чего ж удивляться, ежели очи Елены, телом Париса плененные, страсти стремление, битвы любовной хотение в душу ее заронили! Если Эрос, будучи богом богов, божественной силой владеет, – как же может много слабейший от него и отбиться, и защититься! А если любовь – болезней людских лишь страданье,

чувств душевных затменье, то не как преступленье нужно её порицать, но как несчастья явленье считать. Приходит она, как только придёт, судьбы уловленьем – не мысли веленьем, инету любви уступить принужденная – не воли сознательной силой рожденная.

Как же можно считать справедливым, если поносят Елену? Совершила ль она, что она совершила, силой любви побежденная, ложью ль речей убежденная или явным насилием вдаль увлеченная, иль принуждением богов принужденная, – во всех этих случаях нет на ней никакой вины.

Речью своею я снял поношение с женщины. Закончу: что в речи сначала себе я поставил, тому верным остался; попытавшись разрушить поношения несправедливости, общего мнения необдуманность, эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву».

СУДОВА РИТОРИКА В СТАРОДАВНІЙ ГРЕЦІЇ

Найбільш поширеним видом практичної риторики у Греції було судове красномовство. Адаже людина, яка виступала у суді як відповідач, ризикувала своїм майном, свободою, а часом і життям. Виступаючи як обвинувач, та ж людина ставила під удар іншого. Утім доля і обвинувача, і обвинуваченого залежала від волі суддів, від їх вердикту. Тому практично всі знамениті оратори мали судову практику.

Визнані судові оратори V ст. до н.е. – Антифонт, Андокід та Лисій. Творчі пошуки цих мислителів були пов'язані із *теорією правдоподібності* – важливим постулатом судового і світського ораторського мистецтва. Так стали визначати особливий тип аргументації, коли за відсутністю фактичних доказів або достовірних свідчень про реальність якоїсь події оратор розкривав логічну або психологічну залежність між особами і подіями. При цьому оратор визнавав, що подія могла відбутись, якщо вона схожа на те, що часто відбувається в житті. Аргумент правдоподібності або вірогідності дуже легко сприйняла софістика. Наприклад, у керівництві Тися, якщо «слабкі звинувачуються у побитті когось – це неправдоподібно, однаке якщо звинувачуваний сильний, то і

тоді це неправдоподібно, тому що побиття слабшого загрожувало б здатись правдоподібним». Платон у «Федрі» на-сміхається над таким методом, вказуючи, що звідси походить можливість варіацій та експериментів на одну й ту ж тему, і звідси ж здатність одне й те ж оцінювати прямо протилежним чином.

Антифонт створював свої виступи, наповнюючи їх тверезістю та діловитістю. Він написав також збірку риторичних вправ. А його система аргументації могла бути використана як для звинувачення, так і для виправдання підсудного. Він любив сміливі образні вислови. Наприклад: «Внаслідок мого бездитинства я заживо буду закопаний», тобто втративши сина, я стану мертвим за життя. Загалом ораторське надбання Антифонта простодушне і архаїчне, але деякі із його «загальних місць» залишились у практиці судових промов, наприклад: вихваляння справедливості законів і суддів; заява обвинуваченого, що він заслуговує співчуття, а не засудження.

Лисій (бл. 435-бл. 380 до н.е.) — народився в Афінах у родині багатого сіракузянина, який був запрошений Периклом до Афін і мав зброярську майстерню. Оскільки Лисій із своїм братом належали до демократичної партії, у часи правління тридцяти тиранів вони були засуджені на смерть, а майно їх було конфісковане. Лисію вдалося врятуватися. Він повернувся до Афін уже після падіння тиранів. Аристотель розповідає, що Лисій відкрив власну школу риторики, але зазнав невдачі. Тоді він зайнявся практичним красномовством, з яким виступив, переслідуючи вбивць свого брата. Таким чином Лисій став знаним і популярним *логографом*.

Хоча влада демократії після повалення тиранів була поновлена в Афінах у 403 р. до н.е., фінанси країни були в жалюгідному стані, громадяни несли тягар величезних податків, мало місце масове невдоволення діями посадових осіб. Звідси велика кількість судових позовів. Відповідно до громадянських обов'язків кожна людина повинна була виступати в суді особисто і сама захищати свою справу. Тому малодосвідчені люди часто зверталися по допомогу до ораторів, які складали для них текст виступу. Доповідь повинна була відповідати особистості людини, яка виступала у суді. Зро-

зуміло, що завдання логографа — дописувача промов для інших — було нелегким. Певним чином він був драматичним письменником. Фабула виступу складалась у відповідності із справою, а аргументи, докази, стиль промови дописував оратор, який оволодів мистецтвом впливати на суддів.

Саме в цьому мистецтві був відомий оратор Лисій. Він написав більше 200 промов, до нас дійшли 34. Більшість із них — захисні промови стосовно приватних позовів. Защищаючи свою родину, Лисій особисто виступав обвинувачем на процесі. Широко відома його «Промова проти Ератосфена, у минулому члена колегії Тридцяти». Лисій стверджує: «...ми виконували усі обов'язки з спорядження хорів, робили багато внесків на військові потреби, були друзями закону і порядку й виконували всі вимоги уряду, ворогів у нас не було нікого, а багатьох афінян ми викупили у супротивників із полону». Уже з цієї цитати видно, яким був моральний ідеал громадянина у демократичному полісі.

Цікаві риторичні засоби, якими користувався Лисій. Ось приклад майже пісенного початку, надмірного пафосу і розміреного ритму: «Не почати звинувачення мені здається важким, а закінчити промову, такі значні і численні злочини цих людей. Тому, якби обвинувач став казати брехню, то не міг би інкримінувати їм факти, гірші від дійсних; а якби і хотів додержуватись істини, то не міг би оповісти усіх їх злодіянь; поза сумнівом, у обвинувача не вистачило б або сил, або часу». Часто застосовував Лисій і таку фігуру промови, як риторичне запитання: «Виходить так, підлий негіднику, ти заперечував, щоб нас урятувати, але заарештовував, щоб стратити?».

Звинувачуючи Ератосфена, Лисій з величезним публіцистичним пафосом описує жахливі беззаконня, які творилися в період влади Тридцяти: «Багатьох громадян вони вигнали на чужину до недругів, багатьох несправедливо стратили і позбавили належного поховання, у багатьох повноправних громадян відібрали права громадянства, донькам багатьох громадян, які були вже нареченими, завадили вийти заміж. А тепер вони дійшли до такої зухвалості, що з'являються сюди і виправдовуються, й говорять, що вони нічого дурного та ганебного не зробили». Увесь виступ Лисія насичений рито-

ричними фігурами. Антитеза: «...будь він дійсно порядною людиною, він насамперед не повинен був входити до складу незаконного уряду». Асидентон: «Я закінчу обвинувачення. Ви чули, бачили, постраждали; вони у ваших руках, судіть!».

Широко відома також промова, яку логограф Лисій написав для афінянина Євфілета «Про вбивство Ератосфена». Справа стосувалася вбивства чоловіка, який спокусив жінку Євфілета. У цій промові Лисій дав класичний взірець мистецтва *етопеї*. У яскраво написаному виступі незнатного афінського громадянина - землероба зображено картину моралі сучасного Лисію суспільства. Тут головні діючі особи: Євфілет – обманутий чоловік, його суперник – молодий донжуан, легковажна жінка, служниця, яка допомагає хазяйці, і стара жінка, котра своїм доносом доводить справу до катастрофи. Підзахисний Лисія – маленька людина, але людина честі. Довідавшись про зраду дружини, Євфілет має намір помститись кривднику, зібравши свідків і друзів. Він убиває Ератосфена на місці злочину, у власному будинку. Родичі Ератосфена подали до суду на Євфілета за вбивство. Цікаво, що дописуючи промову, Лисій володіє відчуттям міри, він не застосовує злих слів і не висміює недоліків противника.

Утім, краще самому прочитати уривок з написаної Лисієм промови.

ЛИСИЙ. Об убийстве Эратосфена

«Мне было бы дорого, господа, если бы вы на суде в настоящем деле поступили со мной так же, как поступили бы, если бы вас самих постигло подобное несчастье: я глубоко убежден, что если бы вы смотрели на дело, касающееся другого, теми же глазами, как на своё собственное, то среди вас не нашлось бы ни одного человека, которого не возмущало бы это происшествие; но все вы считали бы установленные законами наказания для таких преступников слишком малыми. И, думается мне, такое воззрение принято не только у вас, но и во всей Греции: это – единственное преступление, за которое и в демократических, и в олигархических государствах законом предоставлен са-

мым ничтожным в государстве людям один и тот же способ мести по отношению к самым влиятельным, так что и самый незнатный, и самый знатный гражданин может получить одно и то же удовлетворение: вот до какой степени тяжким считают все люди такое поругание чести.

Таким образом, что касается меры наказания, все вы держитесь, я полагаю, одинакового со мною воззрения, и никто не смотрит на дело так легко, чтобы думать, что виновные в подобных деяниях должны получить прощение или что они заслуживают лишь малого наказания. А мне доказать следует, я думаю, лишь то, что Эратосфен был в преступной связи с моей женой и через это не только её совратил, но и детей моих опозорил, и мне самому нанёс оскорбление, проникнув в мой дом; что вражды между мной и им не было никакой, кроме как по этому поводу, и что сделал я это не из-за денег, чтобы из бедного стать богатым, и вообще не из корыстных целей, а только ради законом дозволенного мщения. Поэтому я изложу вам все обстоятельства моего дела с самого начала, ничего не пропуская, всё расскажу по правде: единственное спасение себе я вижу в том, если сумею рассказать вам всё, как было.

Когда я решил жениться, афиняне, и ввел в свой дом жену, то сначала я держался такого правила, чтобы не докучать ей строгостью, но и не слишком много давать ей воли делать что хочет: смотрел за нею по мере возможности и наблюдал, как и следовало. Но когда у меня родился ребенок, я уже стал доверять ей и отдал ей на руки всё, что у меня есть, находя, что ребенок является самой прочной связью супружества. В первое время, афиняне, она была лучшей женой в мире: отличная, экономная хозяйка, расчетливо управлявшая всем домом. Но когда у меня умерла мать, то смерть её сделалась причиной всех моих несчастий. Жена моя пошла за её телом в похоронной процессии; там её увидал этот человек и спустя некоторое время соблазнил её: поджидая на улице нашу

служанку, которая ходит на рынок, он стал через неё делать предложения моей жене и наконец довел её до несчастий. Так вот прежде всего, господа (надо и это рассказать вам), у меня есть домик, двухэтажный, с одинаковым устройством верхних и нижних комнат как в женской, так и в мужской половине. Когда родился у нас ребенок, мать стала кормить его; но, чтобы ей не подвергать опасности здоровье, сходя по лестнице, когда ей приходилось мыться, я стал жить наверху, а женщины внизу. Таким образом, уже было заведено, что жена часто уходила вниз спать к ребёнку и кормить его грудью, чтобы он не кричал.

Дело шло долго таким образом, и мне никогда не приходило в голову подозрение; напротив, я был настолько глуп, что считал свою жену самой честной женщиной в городе. Время шло, господа, и вот как-то я вернулся неожиданно из деревни; после обеда ребенок стал кричать и капризничать: его нарочно для этого дразнила служанка, потому что тот человек был в доме; впоследствии я всё узнал. Я велел жене пойти и дать грудь ребенку, чтобы он перестал плакать. Она сначала не хотела, потому будто бы, что она давно не видалась со мной и рада была моему возвращению. Когда же я стал сердиться и велел ей уходить, она сказала: «Это для того, чтоб тебе здесь заигрывать с нашей девчонкой; ты и раньше выпивши приставал к ней». Я смеялся, а она встала и, уходя, как будто в шутку заперла дверь за собой и ключ унесла. Я, не обращая на это никакого внимания и ничего не подозревая, сладко уснул, потому что вернулся из деревни. На рассвете она вернулась и отперла дверь. Когда я спросил, отчего двери ночью скрипели, она отвечала, что в комнате у ребёнка потухла лампа, и тогда она послала взять огня у соседей. Я промолчал: думал, что так и было. Но показалось мне, господа, что лицо у неё было набелено, хотя не прошло ещё и месяца со дня смерти её брата; но всё-таки и тут я ничего не сказал по поводу этого и вышел из дому молча. После этого,

господа, прошло немало времени, я был далёк от мысли о своих несчастиях.

Вдруг однажды подходит ко мне какая-то старуха, подосланная женщиной, с которой он был в незаконной связи, как я потом слышал. Та сердилась на него, считая себя обиженной тем, что он больше не ходит к ней по-прежнему, и следила за ним, пока, наконец, не открыла, какая тому причина. Так вот, эта служанка, поджидавшая меня возле моего дома, подошла ко мне и сказала: «Евфилет, не думай, что я подошла к тебе из праздного любопытства: нет, человек, наносящий оскорбление тебе и твоей жене, вместе с тем и наш враг. Так, если ты возьмёшь служанку, которая ходит на рынок и прислуживает вам за столом, и допросишь её под пыткой, то узнаешь всё». «А человек, который делает это – прибавила она – Эратосфен из дема Эи: он соблазнил не только твою жену, но и многих других. Это уж его специальность». Так сказавши, господода, она ушла, а меня это сейчас же взволновало; всё мне пришло на ум, и я был полон подозрения: я стал думать о том, как она заперла меня в спальне, вспомнил, как в ту ночь скрипела дверь, ведущая со двора в дом, и та, которая выходит на улицу, чего раньше никогда не случалось; а также и то, что жена, как мне показалось, была набелена. Всё это пришло мне на ум, и я был полон подозрения.

Вернувшись домой, я велел служанке идти со мной на рынок. Я привёл её к одному из моих друзей и стал говорить, что я всё узнал, что делается у меня в доме: «Так вот, можешь выбирать из двух любое: или я тебя выпорю и сошлю на мельницу, где конца не будет твоим мукам, или если ты скажешь всю правду, то тебе не будет ничего дурного и ты получишь от меня прощение за свою вину. Но только не лги, говори правду». Она сперва стала было отпираться и говорила, что я волен делать, что хочу, так как-де она ничего не знает; когда же я назвал ей Эратосфена и сказал, что это он ходит к моей жене, она испугалась, подумав, что я всё знаю доподлинно. Тут она уж бросилась мне

в ноги и, взяв с меня обещание, что ей ничего худого не будет, стала рассказывать прежде всего, как после похорон он подошёл к ней; затем, как она сама наконец передала его предложение госпоже, как та после долгого времени сдалась на его убеждения и какими способами она принимает его посещения; как на фесмофориях, когда я был в деревне, она ходила с его матерью в храм; и всё остальное, что произошло, она в точности рассказала. Когда она кончила, я сказал: «Смотри же, чтоб ни одна душа не узнала об этом; а то весь наш договор с тобою нарушен. Но я хочу, чтоб ты доказала мне это на месте преступления: слов мне не надо, но, раз дело обстоит так, нужно, чтобы преступление было очевидным». Она на это согласилась. После этого прошло дня четыре-пять... как я вам докажу это вескими аргументами.

Но сначала я хочу рассказать, что произошло в последний день. Сострат – мне друг и приятель. Я встретился с ним после заката солнца, когда он шел из деревни. Зная, что, вернувшись в такой час, он ничего не найдёт дома съестного, я пригласил его отобедать со мной. Придя ко мне домой, мы поднялись в верхний этаж и стали обедать. Поблагодарив меня за угощение, он ушел домой, а я лег спать. И вот, господа, пришел Эратосфен. Служанка сейчас же разбудила меня и сказала, что он тут. Я велел ей смотреть за дверью, молча спустился вниз и вышел из дома. Я заходил к одному, к другому; одних не застал дома, других, оказалось, не было в городе. Взяв с собою сколько можно было больше при таких обстоятельствах людей, я пошёл. Потом, взяв факелы в ближайшей лавочке, мы вошли в дом: дверь была отворена служанкой, которой было дано это поручение. Толкнув дверь в спальню, мы, входившие первыми, увидели его лежащим с моей женой, а вошедшие после – стоящим на кровати в одном хитоне. Тут, господа, я ударом сбил его с ног и, скрутив ему руки назад и связав их, стал спрашивать, на каком основании он позволяет себе такую дерзость – входит в мой дом. Он вину

свою признал, но только слёзно молил не убивать его, а взять с него деньги. На это я отвечал: «Не я убью тебя, но закон нашего государства; нарушая закон, ты поставил его ниже твоих удовольствий и предпочел лучше совершить такое преступление по отношению к жене моей и детям, чем повиноваться законам и быть честным гражданином».

Таким образом, господа, он получил то возмездие, которое, по повелению закона, должны получать подобного рода преступники; но при этом он не был втащен силою в дом с улицы и не прибег к домашнему очагу, как утверждают обвинители. Да и как он мог прибегнуть к нему, когда он ещё в спальне, как только я его ударил, тотчас же упал, когда я скрутил ему руки назад, и когда в доме было столько людей, через которых он не мог пробиться, не имея ни ножа, ни палки, словом сказать, ничего, чем бы он мог обороняться от вошедших?

Но, господа, как и вам, я думаю, известно, люди, совершающие незаконные деяния, никогда не признают того, что их противники говорят правду, а сами лживыми уверениями и тому подобными неблагоприятными средствами стараются возбудить в слушателях негодование против лиц, на стороне которых находится право.

Прежде всего прочти закон».

Для того, щоб написати промову для учасника судового засідання, логограф мусив зробити її такою, щоб вона відповідала характеру, природним схильностям, напрямку думок і освіті промовця. Логограф повинен був володіти мистецтвом перевтілення, щоб потрапити в такт мисленню і виразам підзахисного. Тому Лисій обирав найбільш привабливу і постань свого клієнта, його вчинки, які виглядали найбільш типовими. Однак написати промову було лише малою часткою справи. Логограф увесь час виступав у судовому процесі за сценою. Перед тим як написати промову, треба було зібрати усі попередні матеріали, обрати найбільш слушну форму скарги, вказати судову інстанцію, котрій належало вести справу, визначити

прийнятну міру покарання, щоб суд не скористався з тієї, що запропонувала противна сторона. Саме тут Лисій виявив себе як блискучий юрист, який розраховував не стільки на систему юридичних викладок, скільки на вміння улестити присяжних і таким чином привернути їх голоси.

Афінський суд встановлював короткі терміни для подання позовів. Тому Лисій писав промови швидко і лаконічно. У *приступі* було звернення до суддів і емоційно прикрашені зауваження стосовно суті справи; *diegesis*, або оповідна частина, включала аргументацію захисту і, за потреби, — спростування аргументів звинувачення; *епілог* був найбільш емоційною частиною виступу, хоча почуття міри Лисію ніколи не зрадило.

Ось, наприклад, одна промова, від якої дійшов до нас лише фрагмент, завдячуючи цитаті у творі Афіней «Учені сотрапезники». Афіней наводить фрагмент на доказ того, що «немає нікого настільки чужого філософії, як філософи». Промову Лисій написав для якоїсь особи, яка дала гроші в борг Есхіну, учню Сократа. Сам Есхін був бідною людиною, внаслідок чого займався викладанням і складав за гроші судові промови.

Дата промови невідома, хоча очевидно, що написано її після смерті Сократа. Місця, які надруковані курсивом, належать Афінейу.

ЛИСИЙ. Речь против сократика Эсхина по поводу долга

«Нет никого столь чуждого философии, как философы. Вот, например, кто бы мог ожидать, что сократик Эсхин был таким, каким изображает его оратор Лисий в своих речах об обязательствах?.. Лисий говорит это в речи, озаглавленной так: «Против сократика Эсхина по поводу долга». Хотя и длинно это место, но я приведу его по случаю большого чванства вашего, философы. Оратор начинает так:

Я никогда не мог предполагать, господа судьи, что Эсхин осмелится заводить такую позорную для него тяжбу; думаю, ему нелегко было бы найти другую, более крючкотворную. У него есть долги, господа су-

дѣи, меняле Сосиному и Аристогитону, по которому он обязался платить три драхмы процентов. Он обратилсѣ ко мне и просил меня принять участие в нём, – не допустить, чтобы он лишился имущества из-за процентов. «Я хочу заняться, – сказал он, – парфюмерным делом, и мне нужен капитал; я буду платить тебе по девяти оболов в месяц процентов». Я поверил такому заявлению его, имея в виду, что он, как бывший ученик Сократа, говоривший много пышных речей о справедливости и добродетели, никогда не вздумает и не решится поступать так, как решаются поступать люди самые скверные, самые бесчестные.

После этого оратор опять делает нападение на него по поводу его займа, говорит, что он не хотел отдавать ни процентов, ни капитала, что он не уплатил деньги в срок, назначенный по заочному приговору суда, что в виде залога представил клеймёного раба, и много других обвинений выставляет он против него и в конце речи говорит вот что:

Но, господа судѣи, таким он выказал себя по отношению не одного только меня, но и по отношению ко всем, кто имел с ним дело. Живущие поблизости кабатчики, у которых он берет вино в долѣ без отдачи, разве не судятся с ним, разве не запирают перед ним свои кабаки? А соседям его разве не приходится так плохо от него, что они бросают собственные дома и нанимают другие подальше? Сколько ни соберет он взносов, взносы других он присваивает себе, а своих не платит; они разбиваются об этого кабатчика, точно о беговой столб. К его дому с самого утра приходит столько народа требовать уплаты долгов, что прохожие думают, что он умер и что народ сошёлся на его похороны. Отношение к нему живущих в Пирее таково, что им кажется гораздо безопаснее плыть в Адриатическое море, чем иметь дело с ним: занятые деньги он считает гораздо более своими, чем оставленные ему отцом. А разве он не завладел имуществом парфюмерного торговца Гермея, соблазнивши его жену, семидесятилетнюю старуху? Притворившись влюблённым

в неї, он так її настроял, что мужа её и сыновей сделал нищими, а себя – из кабатчика парфюмерным торговцем. Вот как любовно он обходился с этой девочкой, наслаждаясь её молодостью, у которой легче пересчитать зубы, чем пальцы на руке. Возьмите ко мне, свидетели этого! »

Ісократ (436-338 до н.е.) – визнаний мислитель, мораліст і вчитель. Він жив у ту епоху афінської демократії, коли ораторське мистецтво, філософія й історичні твори почали відігравати вирішальну роль у суспільстві, коли більше уваги приділялось індивідуальності, а замість трагедії поширювалась комедія. Ісократ створив у Афінах школу красномовства, яка стала великим риторичним центром Еллади. Навчання тривало три-чотири роки і коштувало одну тисячу драхм, що могли дозволити собі добре забезпечені люди. Ісократ вважав, що навчання красномовству сприяє формуванню систематичних знань, формує професійні навички у будь-якій сфері діяльності. Тим самим люди можуть стати кращими. Мистецтво складання промов Ісократ розглядав як філософію, яка піклується про душу людини.

У школі Ісократа фізичні вправи, заняття сценічною промовою, пластикою проходили разом із вивченням фізики, історії, математики, біології, астрономії, міфології, літератури і економіки. Адже оратор ніколи не може знати наперед, на яку тему йому доведеться виступати, а тому різноманітні знання йому потрібні, як повітря. Сам Ісократ не виступав з промовами, хоча інших учив красномовству. Тому на питання, хто він сам, Ісократ відповідав: «Точильний камінь сам не може різати, але він робить залізо гострим».

На думку Ісократа, оратор повинен розмовляти мовою, зрозумілою для тих, хто його слухає. Тому треба у виступі використовувати вкорінені стереотипи, маніпулювати відомими фактами. У школі Ісократа з'явилося поняття «думка більшості». Завоювати думку більшості – це означає вловити настрій аудиторії, встановити з нею контакт і тим самим досягти бажаного результату. Ісократ вказував, що мистецтво оратора можна використати як на благо, так і на зло. Природа слова така, що «одне й те ж можна викласти різним

чином: велике подати як незначне, мале звеличити, старе подати як нове, а про недавні події розповісти так, що вони здадуться стародавніми».

Школа Ісократу принципово відрізняється від софістичних шкіл заміною релятивізму вимогою моральних аспектів риторики. Завдяки цьому він і входить в історію як засновник загальноосвітньої школи. Також Ісократ чітко відокремив аналітичний метод публіцистичної прози ораторського виступу від пластичного способу зображення у поезії. Метод виявлення логічного зв'язку між предметами став новим досягненням у його публіцистичній практиці. До того ж Ісократ першим став домагатися благозвуччя у виступах, а свої думки викладати більш розгорнуто і в м'якіших ритмах.

Однією з умов добре складеного виступу Ісократ вважав важливість проблем, які в ньому розглянуто. Він звертається до історичних фактів як до матеріалу, необхідного для теоретичних побудов, аналізує тенденції політичного і економічного життя суспільства. Тим самим він намагається допомогти правителям і громадянам знайти правильний шлях у сучасній політиці. Завдання правителів він вбачає у тому, щоб своїм піклуванням зробити керованих щасливішими. Звісна річ, і в теоретичних принципах, і в риторичній практиці Ісократу було багато невідповідного. Але той суттєвий крок уперед у плані поширення знання, який він зробив, заслуговує на високу оцінку історичного надбання Ісократу.

Вважаю, що тут слід навести уривки з навчальної промови Ісократу, яку можна було б виголосити на загальногрецькому зібранні. Відома ця промова як «Панегирик», а написано її було до Олімпійських ігор 380 р. до н.е.

ИСОКРАТ . Панегирик

«Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем,

кто желает приобщиться к плодам его мысли. Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесёт эта речь, я пришел сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против варваров. Хотя многие, притязавшие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, я твёрдо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаются такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова.

Да и время еще не настолько упущено, чтобы призывать к действиям было уже поздно. Только тогда оратор должен молчать, когда дело сделано и обсуждать его нет смысла или когда вопрос исчерпан и к нему нечего больше добавить. Но если дело не сдвинулось с места, так как прежние выступления оказались неудачны, неужели не стоит потрудиться над речью, которая в случае своего успеха покончит с междоусобной войной и избавит нас от великих бедствий? Если бы имелся только один способ высказаться по существу предмета, было бы излишне докучать слушателям, повторяя сказанное другим; но так как в речи можно по-разному истолковать одно и то же – великое сделать ничтожным, малое великим, по-новому взглянуть на события прошлого, а недавние пересмотреть в свете прежних, – значит, нужно не избегать предмета, о котором уже говорилось, а постараться его выразить ещё лучше. Дела минувшие знакомы нам всем, но только разумному человеку дано вовремя извлечь из них урок, правильно понять и ясно выразить их подлинный смысл. Высокого совершенства достигнут искусства, и красноречие в их числе, если будет цениться не новизна, а мастерство и блеск исполнения, не своеобразие в выборе темы, а умение отличаться в её разработке.

Тем не менее некоторые порицают тонко отделанные речи, трудные для неискушенного слушателя, но они заблуждаются, так как речи, исключительные

по своим задачам и потому требующие особой пышности, не отличают от судебных, которые не принято украшать, думают, что они одни знают надлежащую меру, а тот, кто говорит изобильно и пышно, не способен выразиться просто и точно. Не стоит и доказывать, что эти люди хвалят только таких ораторов, которые недалеко ушли от них самих. Меня их мнение не заботит: я обращаюсь к знатокам, взыскательным, требовательным и суровым, которые будут искать в моей речи достоинств, каких не найти у другого, и для них я прибавлю ещё несколько слов, прежде чем перейти непосредственно к делу. Вначале выступающие обычно оправдываются, говоря, что не успели хорошо подготовиться или что трудно найти слова, соответствующие важности темы. Так вот, если моя речь окажется недостойной своего предмета и моей славы, если она не оправдает потраченного на нее времени, и больше того – всей моей жизни, то пусть меня презирают и осыпают насмешками за то, что, не имея особых дарований, я взялся за такую задачу. Вот всё, что я хотел сказать о себе.

Теперь – о том, что касается всех. Ораторы, которые говорят, что пора нам прекратить взаимные распри и обратить оружие против варваров, перечисляя тяготы междоусобной войны и выгоды от будущего покорения Персии, совершенно правы, но забывают о главном. Эллинские города большей частью подвластны либо Афинам, либо Спарте, и разобщенность эту усиливает разница в их государственном и общественном строе. Безрассудно поэтому думать, что удастся побудить эллинов к совместным действиям, не примирив два главенствующих над ними города. Если оратор хочет не только блеснуть красноречием, но и добиться чего-то на деле, он должен убедить Афины и Спарту признать друг за другом равные права в Элладе, а выгоды искать в войне против персов... Я буду стремиться прежде всего убедить Афины и Спарту покончить с соперничеством и объявить войну персам, а если эта цель недостижима, то по крайней мере я назову ви-

новника нынешних бедствий Эллады и докажу, что Афины с полным правом добиваются в Элладе первого места...

Гостеприимство и благожелательность афинян привлекают в Афины всех, кто желает разбогатеть или волюю пожить на свои деньги; бедняк, откуда бы он ни приехал, найдёт здесь надежное пристанище, а богач – самые изысканные наслаждения. Не всякая местность может себя обеспечить всем необходимым; нехватка в одном и избыток в другом принуждают эллинов к нелегкому делу сбывать излишки и ввозить то, чего им недостает. Но и здесь мы оказали неоценимую услугу: в сердце Эллады, а именно – в Пирее, афиняне устроили богатейший рынок, где можно легко приобрести любые самые редкостные товары.

Заслуженно хвалят тех, кто учредил общеэллинские празднества за установленный ими обычай заключать всеобщее перемирие и собираться вместе, чтобы, свершив обеты и жертвоприношения, мы могли вспомнить о связывающем нас кровном родстве, проникнуться друг к другу дружескими чувствами, возобновить старые и завязать новые договоры гостеприимства. Собравшись вместе, эллины получают возможность приятно и с пользой провести время, одни – показывая свои дарования, другие – глядя на их соперничество, причём все остаются довольны: зрители могут гордиться тем, что атлеты ради них не жалеют сил, а участники состязаний рады, что столько людей пришло на них посмотреть. Вот сколько пользы приносят нам празднества, а Афины в их устройстве не уступят никому. Великолепных зрелищ, дорогостоящих и утонченных, в Афинах можно увидеть так много, а число приезжающих к нам так велико, что можно с уверенностью сказать: в нашем городе люди всегда могут воспользоваться благами общения друг с другом. В Афинах легче, чем где бы то ни было, завязать прочную дружбу и разнообразные связи. Здесь можно увидеть не только состязания в силе и ловкости: с не меньшим пылом у нас соревнуются в красноречии и остроумии. А на-

грады поистине велики: наш город не только вручает их сам, но и побуждает к этому других, ибо награда, полученная в Афинах, приносит обладателю великую славу и всеобщее признание. Наконец, в других местах общезллинские празднества справляются редко и длятся недолго, а в Афинах для приезжего всегда праздник, доступный каждому и в любое время.

Философия, прихотившая нас к общественной жизни, сделавшая более дружелюбными друг к другу, научившая остерегаться зла невежества и стойко переносить неизбежное, в нашем городе укоренилась по-настоящему прочно. А красноречие у нас стало настолько почётным, что овладеть им стремится чуть ли не каждый, понимая, что только дар речи возвышает человека над животными, что во всем остальном по прихоти судьбы неудачу терпят и умные люди, а успеха добиваются часто глупцы, зато искусство речей глупцам недоступно, являясь уделом лишь одарённых, что оно – важнейший признак образованности, что не по мужеству и богатству, но по речам познается истинное благородство и настоящее воспитание, что владеющий словом уважаем не только у себя в городе, но и повсюду. В уме и красноречии Афины своих соперников опередили настолько, что стали подлинной школой всего человечества, и благодаря именно нашему городу слово «эллин» теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение...

Вражда наша к персам так велика, что нет для нас более приятных сказаний, чем о Троянской и Персидской войне, потому что в них говорится о поражениях варваров. Легко заметить, что о войне против персов у нас слагают хвалебные песни, а о войнах против эллинов – только плачи; те поют на торжествах и праздниках, а эти вспоминают в горести и беде. Думаю, что и творения Гомера славятся больше других за то, что он воспел войну против варваров. Именно потому наши предки сочли полезным исполнять их на

состязаниях музыкантов и при обучении детей, что-бы, часто слушая эти поэмы, мы учились ненавидеть варваров, подражая доблести воевавших с ними, стремились совершить такой же подвиг.

Даже слишком многое, я считаю, нас побуждает к войне против персов, а сейчас для этого самое время. Позор упускать удобный случай и потом о нём с горечью вспоминать. А ведь лучших условий для войны с царём, чем теперешние, и пожелать нельзя. Египет и Кипр против него восстали; Финикия и Сирия разорены войной; Тир, который для царя столь важен, захвачен его врагами; большая часть городов Киликии уже в руках наших союзников, остальные же будет легко покорить; а Ликия персам вообще неподвластна. Наместник Карики Гекатомн, по сути, давно отложился от персов и открыто станет на нашу сторону, как только мы этого захотим. Побережье Малой Азии от Книды до Синопы населяют наши соплеменники, эллины, а их не нужно настраивать против персов, они сами горят желанием воевать. Имея в запасе столько союзников, окруживших Азию со всех сторон, нужно ли гадать об исходе войны? Если даже воюя с каждым в отдельности, персы не могут его одолеть, нетрудно представить, что с ними будет, когда мы пойдём на них все вместе... Опыт учит, что в случае войны с разноплеменным противником следует не ждать, пока он соберёт свои силы, а нападать, пока они разбросаны по разным местам. Наши предки допустили явный промах, но исправили его в тяжёлых боях; а мы, если будем действовать умнее, подобной оплошности не повторим, и постараемся внезапным ударом занять Лидию и Ионию, зная, что жители этих областей давно тяготятся господством персов, и лишь потому терпят их власть, что поодиночке не справятся с царским войском. И если мы туда переправим большие силы – а это нетрудно, стоит лишь захотеть, – то без риска станем владыками Азии. Куда лучше отвоевывать у царя его державу, чем оспаривать друг у друга первенство в Элладе...

Как могут власти наших городов гордиться со- бой, когда они бездействуют, видя всё это? Будь они достойны своего положения, им следовало давно от- ложить все дела и настойчиво предлагать войну про- тив персов. Они могли бы хоть что-нибудь сделать, а если бы даже и не достигли успеха, то по крайней мере оставили бы в назидание потомкам свои вдохно- венные речи. А сейчас они заняты пустяками и оста- вили это важнейшее дело нам, далеким от государ- ственных дел...

Мне могут возразить, что от объявления войны нас обязывает воздержаться мирный договор с Перси- ей. Но из-за него города, получившие независимость, признательны царю как своему освободителю, а горо- да, отданные под власть варварам, клянут как ви- новников своего рабства спартанцев и других подни- савших мир. Неужели не следует порвать договор, создающий впечатление, будто варвар заботится об Элладе и потому охраняет мир, а некоторые из нас нарушают мир и тем причиняют Элладе зло? Нелепее всего то, что мы соблюдаем самые ненавистные положения до- говора: тот его раздел, где говорится о свободе ост- ровам и городам европейской части Эллады, уже дав- но и прочно забыт, а самая позорная для нас статья, отдавшая ионийцев в рабство персам, по-прежнему остается в полной силе. Мы признаём законным то, чего не должны были терпеть ни дня, считая это не договором, а основанным на грубой силе приказом...

Поэтому мы должны во что бы то ни стало ото- мстить за прошлое и обеспечить своё будущее. По- зор, что у себя дома мы держим варваров на положе- нии рабов, а в делах Эллады миримся с тем, что наши союзники в рабстве у них. Когда-то, во времена Тро- янской войны, из-за похищения одной женщины наши предки вознегодовали настолько, что родной город преступника сровняли с землёй. А сейчас, когда жер- тва насилия – вся Эллада, мы не желаем отомстить за неё, хотя могли бы осуществить свои лучшие меч- ты. Это единственная война, которая лучше, чем мир.

Похожая больше на лёгкую прогулку, чем на поход, она выгодна и тем, кто хочет мира, и тем, кто горит желанием воевать: те смогут открыто пользоваться своим богатством, а эти разбогатеют за чужой счёт. Во всех отношениях эта война необходима. Если нам дорога не пожива, а справедливость, мы должны сокрушить наших злейших врагов, которые всегда вредили Элладе. Если есть в нас хоть капля мужества, мы должны отобрать у персов державу, владеет которой они недостойны. И честь, и выгода требуют от нас отомстить нашим кровным врагам и отнять у варваров богатства, защищать которые они не способны... А какую славу стяжают при жизни, какую посмертную память оставят те, кто отличится в этой войне! Если воевавших когда-то против Париса и взявших осадой один только город продолжают восхвалять до сих пор, то какая же слава ждёт храбрых, которые завоюют Азию целиком? Любой поэт и любой оратор не пожалеет ни сил, ни труда, чтобы навеки запечатлеть их доблесть.

Я уже не чувствую той уверенности, с которой начинал свою речь: я думал, что речь будет достойна своего предмета, но вижу, что не сумел его охватить и многое не сказал из того, что хотел. Значит, вам остается самим подумать, какое нас ждёт великое счастье, если войну, губящую нас, мы перенесём из Европы в Азию, а сокровища Азии доставим к себе. Я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто слушателями. Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту же тему высказаться красноречивей, чем я, помня, что настоящему мастеру слова следует не спускаясь возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что и их избавит от бедности, и другим принесёт великие блага».

СОКРАТ

Сократ (469-399 до н.е.) – визначний мислитель Греції, який залишив незгладимий слід у світовій історії. Батько його – каменеріз, мати – сповитуха. Сократ брав участь у війнах Афін зі Спартою, відзначився мужністю і героїзмом. До активного громадського життя не прагнув, але мав тверді переконання і був прихильником демократії, хоча до демократії афінської ставився критично. Жив невибагливо, працював мало. Вважався поганим сім'янином. Сократ говорив, що чим менше людина потребує, тим ближче вона до богів. Вільний час присвячував філософським бесідам і диспутам, мав багато учнів.

Останнього року свого життя він був звинувачений у безбожництві та розбещенні молоді. На суді проти Сократа виступили три обвинувачі. Один із них сказав: «Сократ учив своїх співрозмовників нехтувати встановленими законами. Він говорив, що нерозумно посадових осіб у державі вибирати за допомогою бобів, адже ніхто не хоче мати обраного бобами керманіча, теслі, флейтиста й інших, хоча їх помилки в роботі приносять набагато менше шкоди, ніж помилки в державному управлінні. Промови Сократа збуджують у молоді презирство до встановленого державного ладу і схильність до насильницьких дій». Обвинувачі хотіли змусити Сократа залишити Афіни. Але він відмовився від цього і був засуджений на смерть. Філософ випив чашу отрути і, коментуючи своє вмирання, залишив ілюзорний матеріальний світ квітучого травня.

Ще за життя його піфія сказала: «Сократ вищий від усіх своєю мудрістю». А самому ж Сократу належить вислів: «Я знаю, що я нічого не знаю». Цей вислів завжди тлумачать із позицій виправдання невігластва. Але, якщо зрозуміти, що ключовим словом тут є «*нічого*», то все стане на свої місця. Сократ знав усе, що мав знати істинний мислитель, носій генія, окультуреного багатьма попередніми поколіннями. Але магія *нічого* настільки значна, що Сократ не бажав відкрити його зміст непосвяченим.

Філософія в розумінні Сократа – це вчення про те, як варто жити. Метод Сократа сформувався в ході диспутів і бесід, учасником яких він був. Його цікавив насамперед зміст

теми, він уникав зовнішніх ефектів і в той же час прагнув підкорити супротивника суб'єктивній діалектиці своїх міркувань.

Сократ умів переконати будь-кого із своїх співрозмовників. Розмірковуючи з Феететом про науку, він залишив того божественно одухотвореним. Говорячи про благочестя з Євтифроном, який подав на батька в суд за вбивство гостя, він відмовив його від цього задуму. Сократ умів знаходити докази в тому, що відбувається. Він переконав брата Платона Главкона, який хотів зайнятися державними справами, що той для такої справи ще мало досвідчений.

Сократ був іронічний і лукавий. Удавши з себе простака, він просив свого співрозмовника роз'яснити те, що, як здавалося оточуючим, співрозмовник добряче знав. Уміло поставленими запитаннями Сократ демонстрував співрозмовнику його незнання предмета як наслідок надмірної зарозумілості. Сократ зовсім не хотів принизити співрозмовника, але хотів показати йому, що власні думки слід співвідносити з єдиною для всіх істиною. Далі Сократ продовжував розмову з утихомиреним знавцем, запитуючи, уточнюючи, досліджуючи питання з усіх боків. Він допомагав народженню істини в душі свого співрозмовника, уподібнюючи свій метод повивальному мистецтву, *майєвтиці*. Мета майєвтики, на думку Сократа, в тому, щоб, дискутуючи стосовно якогонебудь предмета, визначити його поняття. Знати – значить розуміти, тобто мати поняття. Метод Сократа також був пов'язаний з індукцією. У ході бесіди він вів співрозмовника від факту до факту і, нарешті, до загального поняття.

Сократ категорично виступив проти релятивізму софістів. Він стверджував, що софісти Протагор і Горгій люди нещирі. Протагор обіцяє з кожним днем вдосконалювати своїх учнів у мистецтві управління домашнім господарством і справами громадськими. Завдяки його мистецтву можна стати сильнішим від усіх у вчинках і в державних промовах. Горгій стверджує, що його наука дає свободу і владу над іншими людьми у місті. Важливо, що вивчаєш тільки це одне, а не поступаєшся майстрам будь-якого іншого.

Сократ заперечує такі погляди, вважаючи, що хибна думка – найнебезпечніше для людини. Софістика – це влада невігласа над невігласом. Бо весь напружений процес пошуку

має бути спрямований на благо і доброчесність. Мудрість і полягає в тому, щоб знати і розуміти зміст доброчинності.

Сократ творчо розвинув мистецтво полеміки (полеміка в перекладі з грецької – військова справа). У ті часи мистецтво суперечки – еристика – було дуже поширене, а основними засобами для його втілення Сократ вважав іронію (від удавання) і майєвтику.

Сократ не залишив по собі ніяких текстів. Але певне уявлення про його стиль промов може дати фрагмент з роботи його учня Платона.

ПЛАТОН. Апологія Сократа

Речь после вынесения смертного приговора

«Из-за малого срока, который мне осталось жить, афиняне, теперь пойдет о вас дурная слава, и люди, склонные поносить наш город, будут винить вас в том, что вы лишили жизни Сократа, человека мудрого, - ведь те, кто склонны вас упрекать, будут утверждать, что я мудрец, хотя это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою: вы видите мой возраст, я уже глубокий старик, и моя смерть близка. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А ещё вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, афиняне, что я осуждён потому, что у меня не хватило таких доводов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить всё, чтобы избежать приговора. Совсем нет. Не хватает-то у меня, правда, что не хватило, только не доводов, а дерзости и бесстыдства, и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать: чтобы я оплакивал себя, горевал – словом, делал и говорил многое, что вы привыкли слышать от других, но что недостойно меня, как я утверждаю. Однако и тогда, когда мне угрожала опасность, не находил я нужным прибегать к тому, что подобает лишь рабу, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом. Я скорее пред-

почитаю умереть после такой защиты, чем оставаться в живых, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти любыми способами без разбора. И в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти можно уйти, бросив оружие или обратившись с мольбой к преследователям; много есть других уловок, чтобы избежать смерти в опасных случаях, - надо только, чтобы человек решился делать и говорить всё что угодно.

Избежать смерти нетрудно, афиняне, а вот что гораздо труднее - это избежать испорченности: она наступает стремительней смерти. И вот меня, человека медлительного и старого, догнала та, что наступает не так стремительно, а моих обвинителей, людей сильных и проворных, - та, что бежит быстрее, - испорченность. Я ухожу отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своем наказании, и они при своём. Так оно, пожалуй, и должно было быть, и мне думается, что это правильно.

А теперь, афиняне, мне хочется предсказать будущее вам, осудившим меня. Ведь для меня уже стало то время, когда люди бывают особенно способны к порицаниям, - тогда, когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, клянусь Зевсом, той смерти, которой вы меня наказали. Сейчас, совершив это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, обратное: больше появится у вас обличителей - я до сих пор их сдерживал. Они будут тем тягостней, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надежен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как

можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас.

А с теми, кто голосовал за мое оправдание, я бы охотно побеседовал о случившемся, пока архонты заняты и я еще не отправился туда, где я должен умереть. Побудьте со мною это время, друзья мои! Ничто не мешает нам потолковать друг с другом, пока можно. Вам, раз вы мне друзья, я хочу показать, в чем смысл того, что сейчас меня постигло. Со мною, судьи, – вас-то я по справедливости могу назвать моими судьями – случилось что-то поразительное. В самом деле, ведь раньше все время обычный для меня вещей голос моего гения слышался мне постоянно и удерживал меня даже в маловажных случаях, если я намеревался сделать что-нибудь неправильное, а вот теперь, когда, как вы сами видите, со мной случилось то, что всякий признал бы – да так оно и считается – наихудшей бедой, божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни когда я входил в здание суда, ни во время всей моей речи, что бы я ни собирался сказать. Ведь прежде, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня на полуслове, а теперь, пока шел суд, оно ни разу не удержало меня ни от одного поступка, ни от одного слова. Какая же тому причина? Я скажу вам: пожалуй, всё это произошло мне на благо, и, видно, неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть – это зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство: ведь быть не может, чтобы не остановило меня привычное знамение, если бы я намеревался совершить что-нибудь нехорошее.

Заметим ещё вот что: ведь сколько есть надежд, что смерть – это благо! Смерть – это одно из двух: либо умереть – значит стать ничем, так что умерший ничего уже не чувствует, либо же, если верить преданиям, это какая-то перемена для души, переселение её из здешних мест в другое место. Если ничего не чувствовать, то это всё равно что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть

– удивительное приобретение. По-моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, – то, я думаю, не только самый простой человек, но и великий царь нашёл бы, что таких ночей было у него наперечёт по сравнению с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я, что касается меня, назову её приобретением, потому что таким образом все время покажется не дольше одной ночи.

С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и верно предание, что там находятся все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, мои судьи? Если кто придёт в Аид, избавившись вот от этих самозванных судей, и найдёт там истинных судей, тех, что, по преданию, судят в Аиде, – Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, – разве плохо будет такое переселение?

А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Да я и готов умереть много раз, если всё это правда: для кого другого, а для меня было бы восхитительно вести там беседы, если бы я там встретился, например, с Паламедом и с Аяксом, сыном Теламона, или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою неправого суда, и я думаю, что сравнивать мою участь с их участью было бы отрадно.

А самое главное – проводить время в том, чтобы испытывать и разбирать обитающих там точно так же, как здешних: кто из них мудр, а кто только думает, что мудр, на самом же деле не мудр. Чего не дал бы всякий, мои судьи, чтобы испытать того, кто привел великую рать под Трою, или Одиссея, Сисифа и множество других мужей и жен, – с ними беседовать, проводить время, испытывать их было бы несказанным блаженством. Во всяком случае уж там-то за это не казнят. Помимо всего прочего обитающие там блажен-

*нее здешних ещё и тем, что остаются всё время бес-
смертными, если верно предание.*

*Но и вам, мои судьи, не следует ожидать ничего
плохого от смерти, и уж если что принимать за вер-
ное, так это то, что с человеком хорошим не бывает
ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что
боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь
сейчас определена не сама собою, напротив, для меня
ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хло-
пот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержи-
ло, и я сам ничуть не сержусь на тех, кто осудил меня,
и на моих обвинителей, хотя они выносили приговор
и обвиняли меня не с таким намерением, а думая мне
повредить, за что они заслуживают порицания. Все
же я кое о чём их попрошу: если, афиняне, вам будет
казаться, что мои сыновья, повзрослев, станут забо-
титься о деньгах или ещё о чём-нибудь больше, чем о
добродетели, воздайте им за это, донимая их тем же
самым, чем я вас донимал; и если они, не представляя
собой ничего, будут много о себе думать, укоряйте их
так же, как я вас укорял, за то, что они не заботятся
о должном и много воображают о себе, тогда как сами
ничего не стоят. Если вы станете делать это, то
воздадите по заслугам и мне, и моим сыновьям.*

*Но уже пора идти отсюда, мне – чтобы умереть,
вам – чтобы жить, а что из этого лучше, никому
неведомо, кроме бога».*

ЖИТТЯ І БОРОТЬБА ДЕМОСФЕНА

Демосфен (384-322 до н. е.) – видатний оратор і політичний діяч Греції. Народився і жив у Афінах. Батько його, також Демосфен, належав до шанованих громадян і був власником великої майстерні, де раби виготовляли ножі та мечі. Батько помер на сьомому році життя Демосфена і залишив значне майно. Але опікуни погано господарювали і майно те розтринькали. Навіть учителі Демосфена не отримували достатньої платні, а тому він не отримав належної освіти, яку мав би отримати за своїм походженням. До цього

спричинилась ніжна та квола будова його тіла, бо мати не допускала його до виснажливих фізичних вправ, а дядьки-опікуни до них не примушували.

Тільки-но Демосфен дійшов повноліття, як подав скаргу до суду на своїх опікунів і активно взявся захищати свої права в суді, став брати уроки в спеціалістів і виграв процес проти розкрадачів свого майна. Але отримав він від цього лише моральну втіху, бо грошей уже не було. Однак успіх надихнув юнака на вибір професії логографа. Відчувши смак честолюбства і сили, які з'являються завдяки участі в публічних дискусіях, Демосфен твердо вирішив виступати перед народом і присвяти себе державній діяльності.

Так Демосфен став на шлях професійного оратора. Він швидко зрозумів, що самі по собі риторичні вправи мало дають, якщо оратор не розмірковує над тим, як найліпше донести і передати слухачам зміст твоїх слів. Він влаштував собі в печері кімнату для занять, де вчився акторському мистецтву і зміцнював свій голос. Будь-яку бесіду, зустріч, ділову розмову він перетворював на предмет для подальшої наполегливої роботи. Він знаходив нові аргументи і засоби для висловлювання однієї й тієї ж думки. Слід зважити на те, що звичайний судовий оратор в Афінах годинами на відкритому повітрі вимушений був виступати перед аудиторією в 6 тисяч чоловік. Урешті-решт Демосфен виліпив себе, надолуживши те, що не спромоглась зробити природа. Це був рідкісний феномен в історії Афін, а кімната, де він „робив себе», існує і донині.

Витоки ораторської слави Демосфена полягають і в майстерності акторської подачі матеріалу і у публіцистичній силі ідей, зрозумілих масовому слухачеві. Він дуже відповідально готувався до виступів, продумуючи аргументацію, підбираючи факти і вислови. Ніколи не виступав, якщо не вважав себе в цей момент достатньо підготовленим для виступу. Демосфен доводив, що людина, яка готується до виступів - справжній прихильник демократії, бо поважає людей і силу слова. А вороги демократії більше покладаються на силу рук.

Демосфен-оратор, насамперед, був публічним політиком, непримиренним ворогом промакедонської партії. Цар Македонії Філіпп мав у Афінах групу підтримки, яка вноси-

ла розбрат у відносини між полісами еллінського світу. Головним засобом Демосфена-оратора стало його вміння передати слухачам своє душевне хвилювання про долю рідного полісу серед інших і про зовнішню політику, яку слід було б вести демократії стосовно інших політичних систем. Демосфен мужньо проводив волю демократії в життя, часто виконував посольські функції. Він був не тільки видатним оратором, але і дипломатом, публіцистом, аналітиком, а загалом людиною, яка здатна була взяти на себе відповідальність за політичні рішення.

В основі політичної позиції Демосфена лежить давній етичний кодекс людини-громадянина, згідно з яким смертельним ворогом полісного устрою є тиранія. Демосфен стверджує: «Народ, який потрапляє в залежність від царя, перестає бути вільним і перетворюється на раба, адже кожний цар або тиран є ворогом свободи і противником законів». Опора на закони — головне завоювання демократії і основа народовладдя у Афін, тому що демократична держава — це держава правова.

Головним супротивником Демосфена був Есхін — прибічник промакедонської партії, підкуплений Філіппом. Саме зрадницька діяльність Есхіна і його соратників неодноразово призводила до тяжких матеріальних і людських втрат Афін і їх союзників. Демосфен-оратор, який звинувачував зрадницьку політику промакедонської партії, насамперед мусив довести, що ця партія домагається зруйнування існуючого демократичного державного ладу і незалежності Афін. Але всі оратори говорили майже одне й те саме: про героїчне минуле, про справедливість предків, про чесну політику. Тому звичайний афінянин уже не міг відрізнити своїх захисників від своїх ворогів. Демосфен у цій ситуації змушений доповнювати високу патетику політичного красномовства низьким жанром *інвективи*, ганьблення, викриття конкретної людини. Тут він не цурається найлайливіших виразів, низькопробних нагадувань про походження батьків, про ганебні позашлюбні зв'язки, численні жіночі зради, акторські невдачі, що загалом покликане принизити супротивника, знищити особистість Есхіна — помічника Філіппа. Цікаво, що вже тут Демосфен використовує риторичний прийом *претеруїції*, заявляючи, що він лаятись не вміє і не любить, а після цієї заяви вибухає

страшенною лайкою на адресу свого ворога. Застосування такого прийому ґрунтувалось на думці, що людина неохайна в особистому житті, не має права займатись суспільними справами. У народному зібранні Афін, де більшість складали селяни і матроси, успіхом користувались гострі слівця, грубі вислови, лайка, божіння та інші елементи народно-сміхової культури, яких ніколи не бракувало Демосфену.

Утім, Демосфен був політиком спостережливим, а тому бачив трагічну перспективу афінської демократії, адже в Елладі в ту пору повсюдно зріс такий „урожай» зрадників, хабарників і святотатців, якого досі ніколи не було. Хвора корупцією демократія нездатна протистояти зовнішній агресії, бо громадяни втратили ціннісні орієнтири. Там, де немає ідеалів, панує чистоган, аморальність і підкуп.

Есхін також був талановитим професійним актором і оратором. Він міг прихилити на свій бік публіку чіткими і логічно обґрунтованими періодами, майже трагедійним пафосом в апології самому собі, а також і інвективою проти Демосфена. Саме тому в найбільш відповідальний момент, коли Есхіна судили, він зумів, саме апелюючи до пафосу, довести свою правоту, здобути прихильність незначної більшості. Після цього Демосфен заявив, що головна якість оратора і передумова успіху — жвавність, жвавність і ще раз жвавність під час виступу.

Промови Демосфена проти Філіппа мали загальногрецький успіх і заслужили визнання нащадків. А в цілому для мислення Демосфена характерна іронія. Він називає Есхіна «театральною мавпою», порівнює його з лікарем, який нездатний лікувати, але на тризні по померлому пацієнту говорить про те, що якби небіжчик зробив так, як він казав, то залишився б живим. Викриваючи Есхіна-хабарника, Демосфен застосовує іронію, антитезу і риторичне запитання одночасно: «Не виступаючи з промовою, треба ховати руку під плащ, Есхін, а перебуваючи послом, треба ховати руку під плащ. А ти там простягав і підставляв її, згальовивши усіх, тут же бундючно прорікаєш і вважаєш, що, приготувавши нікчемні слова і добре поставивши голос, не заплатиш за таку кількість тяжких злочинів?»

Лексику своїх промов Демосфен увесь час вдосконалював. Він віддавав перевагу логічному наголосу, тому ключові

слова ставив або на перше, або на останнє місце в періоді. Звідси любов до анафори – повторення одного і того ж слова на початку кількох фраз. Засобом значущого виділення послуговує і застосування синонімів, що визначають дію: «нехай говорить і радить», «радіти і веселитися», «плакати і лляти сльози», «стверджував і пояснював». В середину фрази біля ключових слів Демосфен часто вставляв слова з нульовим («як я вважаю»), або сакральним значенням («клянусь Зевсом та всіма богами»), або божився («Щоб мені впасти у пірву!»).

Чудово володів Демосфен антитезою. Протиставляючи себе супротивнику, він стверджував: «Ти служив при школі – я в школі вчився, ти посвячував у таїнства – я прилучався до таїнства, ти записував за іншими – я засідав і вирішував, ти грав треті ролі – я дивився постанови, ти провалювався – я освистував, ти допомагав ворогам – я працював заради вітчизни». Демосфен також часто застосовував у своїх виступах метафори і гіперболи.

Після смерті царя Олександра Македонського афіняни програли війну проти Македонії і змушені були підписати дуже не вигідний мирний договір. Усім ораторам, які закликали до війни з Македонією, народне зібрання за пропозицією Демада винесло смертний вирок. Демосфен намагався врятуватися втечею, але його знайшли. Щоб позбавити себе тортур і знущання, Демосфен прийняв отруту і помер.

ДЕМОСФЕН. Четвёртая речь против Филиппа (340 г. до н.э.)

Что касается настоящего положения вещей и теперешнего тревожного состояния, то это имеет много причин, идущих издалека. Об этом, если вам угодно слушать, я и хочу рассказать. Вы, граждане афинские, отступили от того основания, которого завещали вам держаться ваши предки: вставать во главе греков и, имея наготове постоянное войско, защищать всех притесняемых; это вы теперь, послушавшись некоторых политических деятелей, признали за излишнее дело и за напрасную трату средств, зато в том, чтобы прозреть

в спокойствии и не исполняют никаких обязанностей, но уступать одно за другим все свои владения и отдать их таким образом во власть другим, – в этом вы стали находить удивительное счастье и важное средство к безопасности. А воспользовавшись этим, вот этот другой человек занял тот пост, на котором следовало бы стоять вам, и он стал славным и великим властителем многих областей, – это естественно; действительно, то почетное, великое и славное дело, из-за которого всё время спорили друг с другом величайшие из наших государств, теперь он взял на себя всеми покинутое, после того как лакедемоняне потерпели неудачу, фиванцы оказались занятыми фокидской войной, а мы не хотим о нём думать. Вот так, в то время, как на долю всех вообще остался только страх, ему достаётся много союзников и большая сила; вместе с тем всех греков теперь обступило со всех сторон столько таких трудностей, что нелегко даже найти нужный совет.

Но если, граждане афинские, теперешние обстоятельства создают, как я полагаю, угрозу для всех, то никто во всем свете не подвергается большей опасности, чем вы, не потому только, что против вас более всего направляет свои замыслы Филипп, но и потому, что сами вы наиболее бездеятельные из всех людей. К тому же, если вы, видя у себя большое количество товаров и изобилие продовольствия на рынке, так очарованы этим, что не замечаете никакой опасности для государства, то вы не дооцениваете положение дел и неправильно судите о нём.

Конечно, о состоянии рынка и праздничной ярмарки, плохо или хорошо они снабжены, по этим данным, пожалуй, можно судить, но насчет государства, которое, по представлению того, кто бы всегда хотел властвовать над греками, одно только могло бы дать ему отпор и вступить за свободу, – о таком государстве судить надо, клянусь Зевсом, не по тому, хорошо ли снабжено оно товарами, но по тому, может ли оно рассчитывать на преданность союзников и достаточно

ли сильно оно своим вооружением. Вот на что надо смотреть в нашем государстве. А это всё у вас ненадежно и отнюдь не в благополучном состоянии. Вы убедитесь в этом, если взглянете на дело вот с какой точки зрения. Когда в делах у греков было наиболее тревожное состояние? Да другого такого времени, как теперь, никто, пожалуй, не укажет. Действительно, в прежнее время греческий мир всегда разделялся лишь на две таких стороны – лакедемоняне и мы, а из остальных одни подчинялись нам, другие им. Царь же сам по себе внушал недоверие одинаково всем; но если он оказывал поддержку тем, которые терпели поражение на войне, он сохранял за собой доверие лишь до тех пор, пока не добивался равновесия между теми и другими, но после этого уже и те, кого он спасал, ненавидели его не менее, чем те, которые были его врагами с самого начала. А сейчас, во-первых, у царя установились дружественные отношения со всеми греками, и хуже всего эти отношения именно с нами, если только теперь мы хоть немного не поправим их. Во-вторых, повсеместно образуется много простасий и, хотя на первенство заявляют притязания все, но на деле все отступились от этого и только все завидуют и не доверяют друг другу, а не тем, кому следовало бы; все держатся особняком, сами по себе – аргосцы, фиванцы, лакедемоняне, коринфяне, аркадяне, мы. Но хотя весь греческий мир разделился на столько частей и на столько династий, всё-таки, если сказать откровенно всю правду, ни у кого из них в государственных учреждениях и советах нельзя увидеть, чтобы греческие дела обсуждались так редко, как у нас; и это естественно: любит ли кто-нибудь нас, верит ли нам или боится – всё равно никто не вступает с нами в переговоры.

А причина этого не в какой-нибудь одной ошибке, граждане афинские (тогда легко было бы вам это исправить), но во многих и разнообразных ошибках, сделанных за всё время; все их одну за другой я не стану перечислять, но назову только одну, к которой восходят все

остальные, причем попрошу вас, если буду говорить откровенно сущую правду, отнюдь не сердиться на меня за это. Выгоды всякого благоприятного положения у вас проданы, и вы получили на свою долю праздное существование и покой; прельстившись этим, вы не возмущаетесь против своих обидчиков, а награды достаются другим людям.

Конечно, всех вообще примеров такого рода не стоит нам разбирать сейчас; скажу только об одном: всякий раз, как зайдёт речь об отношениях к Филиппу, сейчас же встает кто-нибудь и заявляет, что не надо заниматься пустыми разговорами и писать предложение о войне, и сейчас же прибавит к этому для сравнения одно за другим: „Какое хорошее дело – мир! » – „Как тяжело содержать большое войско! » или: „Некоторые люди хотят расхищать государственные деньги! » или ещё какие-нибудь речи в этом же роде, стараясь придать им вид как можно более правдоподобный. Но, конечно, относительно соблюдения мира не вас надо убеждать, поскольку вы и так вполне убеждены в этом и потому сидите, сложа руки, но того, кто войною только и занят: если он согласится на это, то с вашей стороны всё это уже есть налицо. А тяжёлыми надо считать не те затраты, которые мы делаем на своё спасение, но бедствия, которые постигнут нас в случае, если мы не согласимся на эти затраты; разговоры же о том, что „будут расхищены государственные деньги», надо прекращать, изыскав меры к их сохранению, а вовсе не отказываясь от собственной пользы. Но меня возмущает уже само по себе то обстоятельство, как некоторые из вас сокрушаются при мысли, что будут расхищены деньги, хотя от вас зависит и беречь их, и карать грабителей, но не сокрушаются о том, что Грецию всю, вот так – одно место за другим, расхищает Филипп и притом расхищает, собирая силы против вас.

Так в чем же, значит, причина такого несоответствия, граждане афинские, почему про одного человека, который так явно совершает преступления, за-

хватывает города, никто из этих людей ни разу не сказал, что он совершает преступление и является зачинщиком войны, а между тем ораторов, которые советуют не допускать этого и не оставлять без помощи эти города, они обвиняют в том, будто они затевают войну? Это – потому, что вину за огорчения, ожидающие нас от войны (неминуемо ведь, конечно, неминуемо, что от войны бывает много горя), они хотят свалить на тех ораторов, которые обычно предлагают ради вашей пользы наилучшие меры. Они думают, что, если вы единодушно и согласно будете обороняться против Филиппа, вы и его победите, и им не дадите возможности получать деньги в качестве наемников, а если, наоборот, после первой же тревоги вы начнете обвинять кого-нибудь и привлекать к суду, тогда сами они будут выступать в качестве обвинителей против них и достигнут этим сразу двух целей – и в ваших глазах приобретут себе славу, и от него получат деньги, а вы за то самое, за что следует наказывать их, будете карать людей, которые в своих речах защищали вашу же пользу. Вот на что они рассчитывают и на чем строят свои обвинения, будто некоторые люди хотят затеять войну.

Но я лично знаю хорошо, что, хотя до сих пор никто из афинян не писал предложения относительно войны, Филипп захватил уже многие города, принадлежащие нашему государству, и вот теперь послал помощь в Кардию. Конечно, раз мы сами не хотим видеть того, что он воюет с нами, он был бы самым безумным из всех живых людей, если бы сам стал раскрывать это. Действительно, уж раз сами обижаемые отрицают это, что же ещё делать обидчику? Но что мы будем говорить тогда, когда он пойдет уже против нас самих? Он, конечно, и тогда не будет говорить, что воюет, как не говорил и орейцам, когда его воины были уже в их стране, как еще раньше того не говорил ферейцам, когда подступил уже к их стенам, и как не говорил вначале олинфянам до тех пор, пока не вступил со своим войском в самую

страну их. Или, может быть, и тогда про людей, которые станут призывать к обороне, мы всё ещё будем говорить, что они затевают войну? В таком случае нам остается только... быть рабами: ведь другого нет ничего. Да, кроме того, и опасность, которая угрожает вам, совсем не такова, как всем остальным: ведь Филипп хочет не просто подчинить своей власти наше государство, а совершенно его уничтожить... Он знает отлично, что рабами быть вы и не согласитесь, и хоть бы даже согласились, – не сумеете, так как привыкли главенствовать, затруднений же ему доставит в при случае будете способны более всех остальных людей, взятых вместе. Ввиду этого он и не пощадит вас, если выйдет победителем.

Итак, следует иметь в виду, что борьба сейчас предстоит самая существование, и потому людей, явно продавшихся ему, надо ненавидеть и запороть на колоде. Нельзя ведь, никак нельзя одолеть внешних врагов государства, пока вы не покараете врагов внутри самого государства, но вы будете наткаться на них, как на подводные камни, и по необходимости не поспевать за теми. Как вы думаете, почему теперь он надругается над вами (иначе никак нельзя, мне кажется, назвать то, что он делает) и не прибегает даже к обману, хотя бы под видом благодеяния, как это делает по отношению ко всем остальным, но уже прямо угрожает? Так, например, фессалийцев он путём многих подачек вовлек в теперешнее состояние рабства; а уж сколько раз он обманывал злополучных олинфян, когда сначала отдал им Потидею, потом и еще много других мест, про то и сказать никто не мог бы. Вот теперь он старается обольстить фиванцев, передав им под власть Беотию и избавив их от долгой и тяжелой войны. Таким образом все они получили какие-нибудь выгоды сами для себя, но за это одни уже теперь поплатились, как всем известно, другие еще поплатятся, когда только настанет время. А вы – я молчу о том, чего вы лишились прежде, – но как вы были обмануты при самом заключении мира, скольких владений вы лишились при этом!

Разве не покорил он фокидян, Пилы, области во Фракии, Дориск, Серрий, самого Керсоблента? Разве сейчас не завладел он государством кардийцев и разве не признаёт этого сам? Почему же к вам он относится совершенно иначе, чем ко всем остальным? А потому, что из всех вообще государств в одном только вашем предоставляется свобода говорить на пользу врагам и, получив взятку, без страха выступить перед вами, хотя бы вам пришлось лишиться вашего собственного достояния. Не было бы безопасно в Олинфе высказываться в пользу Филиппа, если бы заодно с этими людьми не был облагодетельствован и народ олинфский предоставлением в его распоряжение Потидеи. Не было бы безопасно в Фессалии высказываться за Филиппа, если бы народ фессалийцев не был облагодетельствован тем, что Филипп изгнал у них тиранов и вернул им участие в Пилейской амфикионии. Не было это безопасно в Фивах, пока он не отдал им Бетию и не разгромил фокидян. А вот в Афинах, хотя Филипп не только отнял Амфиполь и землю кардийцев, но и обращает Эвбею в укрепленный оплот против вас и теперь идет походом на Византию, можно безопасно говорить в пользу Филиппа. Да и недаром же некоторые из этих людей быстро делаются из нищих богатыми, из неизвестных и бесславных славными и именитыми, а вы, наоборот, из славных бесславными и из богатых бедными; для государства ведь богатством я считаю союзников, доверие и общее расположение, а всем этим как раз вы теперь и стали бедны. А вследствие того, что к этим вещам вы относитесь беспечно и предоставляете их своему течению, он благоденствует и велик, и страшен всем – грекам и варварам, а вы одиноки и унижены, блистаете изобилием продовольствия на рынке, но до смешного слабы в подготовке того, что нужно для войны.

Между тем некоторые из ораторов, подавая свои советы, руководятся, как я наблюдаю, одними соображениями, когда дело касается вас, и другими, когда касается их самих; именно, вам они говорят, что надо

оставаться спокойными, даже если кто-нибудь действует вам во вред, сами же они никак не могут у вас оставаться спокойными, хотя никто не наносит им вреда. Но если бы кто-нибудь, не допуская никакой брани, спросил тебя, Аристомед: „Скажи, пожалуйста, – в чём тут дело? – раз ты знаешь определённо (никого ведь нет, кто бы не знал таких вещей), что жизнь частных людей идет без потрясений, без хлопот и опасностей, тогда как жизнь политических деятелей сопряжена с обвинениями, неустойчива и полна изо дня в день борьбы и невзгод, так почему же всё-таки ты избираешь не ту спокойную и безмятежную жизнь, а эту полную опасностей?» – что бы ты на это ответил? Да, если бы мы предложили тебе указать по правде самое лучшее, какое можешь, основание, – именно, что на всё это ты идешь ради чести и славы, тогда я не понимаю, почему же себе самому ты считаешь нужным для достижения этого всё делать – и трудиться, и подвергаться опасностям, между тем, когда дело идет о государстве, ты советуешь ему бросить без раздумья всё, как пришлось. Ведь не скажешь же ты, что тебе самому надо занимать в государстве видное положение, тогда как государству нашему никакого значения среди греков не нужно иметь. Также я не вижу и того, чтобы безопасность нашего государства требовала от него заниматься только своими собственными делами, а чтобы тебе, наоборот, было опасно не вмешиваться вовсе, подобно всем остальным, в чужие дела; нет, напротив, я вижу, что именно для тебя от твоей деятельности и вмешательства во все дела происходят крайние опасности, тогда как для государства – от бездействия.

Или, клянусь Зевсом, может быть, у тебя есть дедовская или отцовская слава, и позорно будет, если на тебе она кончится, тогда как у государства предки были неведомые и ничтожные? Нет, и это не так! У тебя отец был вор, если он был похож на тебя, а у нашего государства отцами были такие люди, которых знают все греки, поскольку благодаря им сами они

дважды спаслись от величайших опасностей. Но, как видно, некоторые политические деятели не умеют относиться к делам личным и к делам своего государства так, как того требует справедливость и гражданское сознание. Нет, – если из этих людей некоторые, едва выйдя из тюрьмы, забывают про себя, кто они, разве справедливо допустить, чтобы наше государство, которое до сих пор главенствовало над остальными и занимало первое место, теперь находилось в полном бесславии и унижении?

Хотя много еще я мог бы сказать и о многих делах, я всё-таки кончаю, так как думаю, что и сейчас, и во всякое другое время дела государства приходят в упадок не от недостатка речей; но это бывает тогда, когда вы, прослушав обо всех необходимых мерах и единодушно признав правильность сделанных предложений, после этого с таким же вниманием, сидя здесь, слушаете ораторов, которые хотят губить и портить всё это, и это вы делаете не потому, чтобы не знали их (вы знаете отлично, едва поглядев на человека, кто говорит за плату и действует в пользу Филиппа и кто в самом деле имеет в виду наилучшие цели), но только для того, чтобы, обвинив последних и подняв на смех и разбранив это дело, самим ничего из своих обязанностей не исполнять. Вот вам истинная правда, наилучший совет, высказанный со всей откровенностью, просто из преданности, – речь, не пропитанная ради лести ни пагубой, ни обманом, не способная принести деньг оратору, но зато и не направленная на то, чтобы предать дела государства в руки врагов. Итак, надо или покончить с этими обычаями, или уж никого другого не винить в плохом состоянии всех дел, кроме самих себя». (Фрагменты 46 – 76).

«РИТОРИКА» АРИСТОТЕЛЯ

Аристотель (384- 322 до н. е.) підвів певні підсумки усього риторичного надбання античності. Саме йому належить фун-

даментальна праця з риторики, яку він написав близько 330 року до н.е. Найважливішим у риториці Аристотель визнав учення про доведення та способи переконання. Він вважав, що промова складається з трьох елементів: з самого оратора, предмета, про який ідеться, та з особи, до якої він звертається.

Природним вважав Аристотель поділ риторичних промов на три види: дорадчі, судові та епідейктичні. Справа промов дорадчих – схилити або відхилити, бо саме до цього прагнуть оратори і люди у приватному житті. Справа судових промов – звинувачувати або виправдовувати, бо цього прагнуть у тяжбі учасники сторін. Справа епідейктичної промови – хвалити або гудити.

Що ж стосується часу, який має на увазі кожний із вказаних видів промов, то людина, яка радиться з кимось, має на увазі майбутнє: відхилиючи від чогось або схилиючи до чогось вона дає поради стосовно майбутнього. Людина, втягнута у тяганину, має справу з минулим часом, оскільки завжди стосовно подій, які вже відбулися, один звинувачує, а інший захищається. Для епідейктичного оратора найбільш важливий дійсний час, бо похвала чи огуда визначається стосовно чогось існуючого нині.

Для кожного виду зазначених промов суттєва також їх мета. Для того, хто дає пораду, мета – користь або шкода. Для того, хто у позові, суттєвими є поняття справедливості-несправедливості. Для тих, хто вихваляє або гудить, метою є прекрасне і ганебне. Зрозуміло, що у кожному випадку у промову привносяться й інші міркування.

Взагалі, головну мету людської діяльності Аристотель вбачав у досягненні *щастя* (eudaimonia) з його складовими частинами. Він визначив щастя як добробут, поєднаний з доброчинністю, або як задоволення своїм життям, або як дуже приємний спосіб життя, поєднаний з безпекою, або як надлишок майна і рабів у поєднанні з можливістю охороняти їх і користуватись ними. Якщо насправді щастя є чимось подібним, то до складових його частин обов'язково будуть належати шляхетність походження, велика кількість друзів, дружба з хорошими людьми, заможність, здорові й численні нащадки, щаслива старість, фізичні переваги, слава, повага, удача.

Риторика, на думку Аристотеля, існує для винесення рішення. Тому необхідно піклуватись і про те, щоб промова була доказовою, викликала довіру, і про те, щоб показати себе людиною певного складу і певним чином налаштувати суддю. Адже коли людина з любов'ю ставиться до того, над ким чинить суд, їй здається, що той не винен, або мало винен; якщо ж вона його ненавидить, тоді їй здається навпаки. Буває, що людина зовсім байдужа до долі іншого, і це також погано, бо заважає прийняти справедливе рішення.

Є три причини, які викликають довіру до промовця, в силу яких ми віримо без доведення. Це – розум, чесність, прихильність. Аристотель вважає, що люди помиляються в тому, що говорять або радять, або з усіх цих причин у сукупності, або з однієї з них. А саме: вони або помилково міркують з причини нерозумності; або вони правильно розмірковують, але говорять інше через свою нечесність; або вони розумні і чесні, але не прихильні до людини, тому не дають найкращої у цій ситуації поради. Якщо слухачам здається, що оратор відповідає цим трьома якостям, вони відчують до нього прихильність.

Важливе значення для правильного розуміння сутності ораторської справи має правильне розуміння пристрастей. Пристрасті – це все те, під впливом чого люди змінюють свої рішення, з чим пов'язане відчуття задоволення або незадоволення, як, наприклад, гнів, співчуття, заздрість, обурення, страх і такі подібні і протилежні ним відчуття. Кожну пристрасть Аристотель пропонує розглянути з трьох точок зору. Наприклад, гнів: у якому стані люди бувають сердитими, на кого вони звичайно сердяться, за що. Звідси випливає висновок: якби людина була здатна проаналізувати хоча б два моменти із зазначених, то навряд чи вона змогла б пробудити у собі почуття гніву.

Значну увагу у своїй «Риториці» Аристотель приділив дослідженню стилю. Адже недостатньо знати, що слід сказати, а сказати це слід належним чином, щоб отримати бажаний результат. Важливо знати, наприклад, як слід користуватись голосом для кожної пристрасті, коли слід говорити голосно, коли тихо, коли слід користуватись інтонаціями, якого ритму притримуватись у виступі.

Достоїнство стилю полягає в ясності, бо якщо зміст промови не ясний, вона не досягне своєї мети. Стилє завжди слїдузгоджувати із змістом промови. Із дієслів і імен ті відрізняються ясністю, які увійшли у загальний вжиток. У виступі також бажано використовувати епітети і метафори, порівняння. Важлива також правильна мова. Аристотель вважав, що стилє буде мати відповідні якості, якщо він сповнений почуття, якщо він відображує характер, якщо він відповідає істинному стану. Останнє буває тоді, коли про важливі речі не говориться злегка і про дрібниці не говорять урочисто, і коли до простого слова не додають прикрас. Слухач завжди співчуває оратору, якщо той говорить з почуттям, навіть якщо він не говорить нічого суттєвого.

У «Риторикі» Аристотеля досить часто присутні практичні поради для виступаючого. Наприклад, досить ґрунтовно він описує, яким чином можна спростувати звинувачення. Тут відчувається фундаментальність опрацювання спостережень і рекомендацій його попередників на ниві судового красномовства. Аристотель зазначає ряд випадків, коли слїд застосовувати запитання. Що ж стосується жартів, то вони також зустрічаються у полеміці. Тут, як говорить Горґій, слїд серйозність супротивника долати, застосовуючи жарт, а жарт — за допомогою серйозності.

ЦИЦЕРОН: ЖИТТЯ, ОСОБИСТІСТЬ, ФІЛОСОФІЯ

Марк Туллій Цицерон (106-43 до н. е.) — видатний римський оратор, політичний діяч, філософ, письменник, автор трактатів з етики і виховання — став цілою епохою у римській історії і найвидатнішою постаттю в латинському красномовстві взагалі. Імена Демосфена і Цицерона заслужено стоять поруч в історії риторики.

Уже на початку свого шкільного навчання Цицерон виявив великі здібності, кмітливість і тямущість. Натуру він мав жадібну до знань, схильну до філософствування і був спроможний сприймати будь-яку науку, не гребував жодним знанням чи освітнім предметом. Особливо пристрасно тягнувся юний Цицерон до поезії, і на цій ниві він також відзначився. Після закінчення школи Цицерон слухав академіка Філона, спілку-

вався з Муцієм та іншими державними діячами, знайомився із законами. Деякий час Цицерон служив у війську, брав участь у походах Сулли. Побачивши, що насуваються міжусобні чвари, а за ними – необмежене єдиновладдя, він віддався науці, перебуваючи в товаристві вчених греків.

Оскільки шлях до вершин політичної влади у Римі пролягав через гучні судові справи, друзі порадили Цицерону виступити у судовій справі на захист Росція, звинуваченого у батьковбивстві. Суть справи була такою. На розпродажу майна одного громадянина, який загинув під час проскрипцій, вільновідпущеник Сулли купив майно за 2000 драхм. Росцій, син і спадкоємець, наполягав, що майно коштує 250 талантів, тобто дорожче в 750 раз. Саме після цього сина і звинуватили.

Цицерон використав мистецтво епопеї, спираючись на те, що характеристика сорокарічного Росція не дає підстав для таких звинувачень. Захищаючи конкретну людину, Цицерон показав, що безсовісні злочинці наживаються на загибелі співгромадян і користуються своїми зв'язками для того, щоб приховати злочини. Цицерон при цьому звернувся до суддів з вимогою суворо покарати злочинців, дати відсіч нахабним людям і пам'ятати, якщо цього зараз не станеться, то жадібність, злочинність і зухвалість дійдуть такої міри, що на очах трибуналу прямо між лавками вбиватимуть людей. Цицерон виграв процес, але про всяк випадок від зловмисності влади поїхав подалі – у Афіни.

До Риму він повернувся вже після смерті Сулли. Але римляни не забули Цицерона. Наступна судова справа, за яку він взявся, була проти намісника Сицилії Гая Верреса, звинувачуваного в корупції і хабарництві. У Верреса була могутня підтримка в Римі, але Цицерон почав вельми дотепно, посилаючись на слова самого Верреса, який казав своїм друзям, що прибутки першого року візьме собі, другого року – віддасть покровителям, а третього – віддасть суддям, бо їм треба віддати найбільшу частку. І цю справу Цицерон виграв. Веррес змушений був одягнутися в чорне і піти у добровільне вигнання. На користь сицилійців з обвинуваченого було стягнуто 40 млн. сестерціїв.

Цікаве застосування Цицероном риторичного прийому ампліфікації, тобто перебільшення, «роздування»: «Я стверджую,

що у всій Сицилії, такій багатій, такій давній провінції, в якій так багато міст, так багато заможних осель, не було жодної срібної, жодної коринфської або делоської вази, жодного дорогоцінного каменя або перлини, жодного предмета із золота або зі слонової кістки, жодного зображення з бронзи, із мармуру або слонової кістки, не було жодної писаної фарби або ткані картини, яких би він не розшукав, не роздивився і, якщо вони йому сподобались, не забрав собі». У мистецтві ампліфікації, коли Цицерон вдавався до перерахування, йому не було рівних. Саме за допомогою цього прийому емоційна напруга досягала високого ступеня.

Цицерон намагався досягти високих державних посад заради впровадження свого ідеалу суспільної рівноваги. Йому хотілося задовольнити вимоги всіх суспільних сил, які були втягнуті в конфлікт громадянської війни, щоб досягти згоди всіх чесних громадян, усіх верств населення. Звинувачуючи у 63 році до н.е. змову Катиліни, Цицерон ще не мав доказів вини, але почав своє обвинувачення серією патетичних риторичних запитань: «Допоки ти, Катиліно, будеш зловживати нашим терпінням? Як довго ще ти, у своєму оскаженінні, будеш знущатись над нами?» . А далі риторичні запитання доповнюються виразною анафорою: «Невже тебе не стривожили *ні* нічні караули на Палатині, *ні* стражі, що обходять місто, *ні* страх, який охопив народ, *ні* присутність усіх чесних людей, *ні* вибір цього надто надійного місця для засідання сенату...». Емоційна напруга знаходить розрядку у виразному, сповненому пафосу, афоризмі: «*O tempora, o mores!*» («О часи, о звичаї!»). Нарешті Цицерон застосовує градацію разом з корекцією та іронією: «І цей чоловік ще живий. Та хіба тільки живий? Ні, навіть приходить у сенат, бере участь у обговоренні державних справ, намічає і вказує своїм поглядом тих із нас, кого слід убити, а ми, хоробрі мужі, вважаємо, що виконуємо свій обов'язок перед державою, відвертаючись від його злості та ухилиючись від його зброї».

Після того як Катиліна залишив засідання сенату і зник, Цицерон вважає себе переможцем, застосовуючи чудову етичну антитезу: «Адже на нашому боці б'ється відчуття честі, на тому – нахабність; тут – соромливість, там – розпуста; тут – вірність, там – обман; тут – відвага, там – злочин; тут –

непохитність, там – шаленство; тут – чесне ім'я, там – ганьба; тут – стриманість, там – розбещеність...нарешті, достаток б'ється зі злиднями, порядність – з підступністю, розум – з безумством, нарешті, добрі сподівання – з повною безнадійністю. Невже при такому зіткненні, у такій боротьбі самі безсмертні боги не дарують цим прославленим чеснотам перемогу над такими численними тяжкими вадами?».

Римське життя привносило свої невблаганні зміни у повсякдення, а тому як адвокат і політичний оратор Цицерон усе частіше став захищати людей, чиї вчинки і моральні якості вочевидь були сумнівними. Тут спрацював філософський релятивізм і скептицизм, які певним чином укорінені в риторику як певний різновид професійної діяльності. Це і дозволяло оратору перетворювати аморальне у моральне за допомогою словесної еквілібристики. Тим самим Цицерон усе більше поглиблював прірву між ним і старою аристократією, яку він раніше захищав. У 58 р. до н. е. він змушений був рятуватись втечею з Риму, а майно його було конфісковане.

Невдовзі Цицерона помилували, повернули майно, і він став знову активно виступати з публічними промовами, ганьблячи своїх супротивників. Він широко використовує метафору і ампліфікацію, описуючи консульство Габінія та Писона, як несподівану бурю, коли «настав морок для чесних людей, жахи несподівані і непередбачувані, тьма над державою, знищення і спалення всіх громадянських прав, навіювання Цезарю побоювань стосовно його особистої долі, злочини консулів, жадібність, нахабність!». У цій промові Цицерон застосовує претерицію, стверджуючи, що не стане керуватися голосом кривди і гніву не піддається. Але зразу ж піддає Габінія і Писона інвективі, звинувачуючи їх у найтяжчих гріхах та злочинах, яких ті, можливо, і не скоїли. А закінчує виступ знову ж претерицією: «Про все це (про те, що він *уже сказав!*) я промовчу не тому, що злочини ці недостатньо тяжкі, а тому, що виступаю тепер, не маючи свідчень».

Зразок ораторської майстерності Цицерона - дуже показова, яскрава і віртуозна промова на захист Мілона. Саме Мілон у сутичці вбив Клодія – головного політичного противника Цицерона. Останній намагається довести суддям за допомогою алітерації та ритмізованої антитези, що Мілон

лише захищався: «Стало быть, судьи, есть такой закон: не нами писанный, а с нами рожденный; его мы не слышали, не читали, не учили, а от самой природы получили, почерпнули, усвоили; он в нас не от ученья, а от рождения, им мы не воспитаны, а пропитаны; и закон этот гласит: если жизнь наша в опасности от козней, от насилий, от мечей разбойников или недругов, то всякий способ себя оборонить законен и честен. **Когда говорит оружие, законы молчат**». Утім цей процес Цицерон програв і змушений був відійти від активного політичного життя.

У цей час Цицерон написав відому трилогію «Про оратора», «Про державу», «Про закони». У цих працях він створює образ оратора-політика і правозахисника, який знайомий з усіма науками, бо саме вони дають йому методичку мислення і матеріал для його промов. Філософи стверджували, що риторика — не наука, а ритори твердили протилежне. Цицерон вирішує суперечку між філософами і риториками компромісом: риторика — не істинна наука, але риторика — це практично корисна систематизація ораторського досвіду. Однак Цицерон згідний з античними філософами, що всередині самої риторики немає моральних критеріїв. Тому промова оратора повинна слугувати тільки високим і шляхетним цілям, а улещувати суддів красномовством так же ганебно, як і підкуповувати їх грошима.

Знаного риторика і політичного діяча Цицерона цікавило і запитання: чому красномовством займається багато людей, а успіху досягають одиниці? Сам же він на нього і відповів: бо красномовство — найважче з мистецтв, воно вимагає від оратора знань відразу багатьох наук, кожна з яких значуща сама собою. Красномовство — вершина науки, стверджував Цицерон. У світі скепсису, де всі істини науки відносні, лише істини красномовства абсолютні, бо вони переконливі. Цицерон поділяв погляди скептика Філона: а) критеріїв істинності пізнання немає; б) буття божества довести неможливо; в) долі не існує; г) у людини є свобода волі. У сфері практичної філософії — етики - Цицерон стояв на позиціях стоїцизму: а) природою керує розум; б) чотири чесноти душі (мудрість, справедливість, мужність, помірність) диктують людині її моральний обов'язок; в) виконання морального обов'язку приносить людині щастя.

Життя Цицерона закінчилося трагічно. Його зрадили, вислідили і вбили. Вбивці відрубали йому голову і руки, які пізніше було виставлено в Римі на ораторському узвишші над корабельними носами.

МАРК ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОН. Первая филиппика против Марка Антония

(В сенате, 2 сентября 44 г. до н.э.)

«(I) Прежде чем говорить перед вами, отцы-сенаторы, о положении государства так, как, по моему мнению, требуют нынешние обстоятельства, я вкратце изложу вам причины, побудившие меня сначала уехать, а потом возвратиться обратно. Да, пока я надеялся, что государство, наконец, снова поручено вашей мудрости и авторитету, я как консуляр и сенатор считал нужным оставаться как бы стражем его. И я действительно не отходил от государства, не спускал с него глаз, начиная с того дня, когда нас созвали в храм Земли. В этом храме я, насколько это было в моих силах, заложил основы мира и обновил древний пример афинян; я даже воспользовался греческим словом, каким некогда при прекращении раздоров воспользовалось их государство, и предложил уничтожить всякое воспоминание о раздорах, навеки предав их забвению. Прекрасной была тогда речь Марка Антония, превосходны были и его намерения; словом, благодаря ему и его детям заключение мира с виднейшими гражданами было подтверждено.

Этому началу соответствовало и все дальнейшее. К происходившему у него в доме обсуждению вопроса о положении государства он привлекал наших первых граждан; этим людям он поручал наилучшие начинания; в то время в записях Цезаря находили только то, что было известно всем; на все вопросы Марк Антоний отвечал вполне твердо. Был ли возвращен кто-либо из изгнанников? «Только один, – сказал он, – а кроме него, никто». Были ли кому-либо предоставлены какие-нибудь льготы? «Никаких», – отвечал он. Он

даже хотел, чтобы мы одобрили предложение Сервия Сульпиция, прославленного мужа, о полном запрещении после мартовских ид водружать доски с каким бы то ни было указом Цезаря или с сообщением о какой-либо его милости. Обхожу молчанием многие достойные поступки Марка Антония; ибо речь моя спешит к его исключительному деянию: диктатуру, уже превратившуюся в царскую власть, он с корнем вырвал из государства. Этому вопросу мы даже не обсуждали. Он принес с собой уже написанное постановление сената, какого он хотел; после прочтения его мы в едином порыве приняли его предложение и в самых лестных выражениях в постановлении сената выразили ему благодарность.

(II) Казалось, какой-то луч света засиял перед нами после уничтожения, уже не говорю – царской власти, которую мы претерпели, нет, даже страха перед царской властью; казалось, Марк Антоний дал государству великий залог того, что он хочет свободы для граждан, коль скоро само звание диктатора, не раз в прежние времена бывавшее законным, он, ввиду свежих воспоминаний о диктатуре постоянной, полностью упразднил в государстве. Через несколько дней сенат был избавлен от угрозы резни; крюк вонзился в тело белого раба, присвоившего себе имя Марция. И всё это Антоний совершил сообща со своим коллегой; другие действия Долабелла совершил уже один; но если бы его коллега находился в Риме, то действия эти они, наверное, предприняли бы вместе. Когда же по Риму стало расползаться зло, не знавшее границ, и изо дня в день распространяться все шире и шире, а памятник на форуме воздвигли те же люди, которые некогда совершили то пресловутое погребение без погребения, и когда пропащие люди вместе с такими же рабами с каждым днем все сильнее и сильнее стали угрожать домам и храмам Рима, Долабелла покарал дерзких и преступных рабов, а также негодяев и нечестивцев из числа свободных людей так строго, а ту проклятую колонну разрушил так быстро, что мне непонятно,

почему же его дальнейшие действия так сильно отличались от его поведения в тот единственный день.

Но вот в июньские календы, когда нам велели присутствовать в сенате, все изменилось; ни одной меры, принятой при посредстве сената; многие и притом важные – при посредстве народа, а порой даже в отсутствие народа или вопреки его воле. Избранные консулы утверждали, что не решаются явиться в сенат; освободители отечества не могли находиться в том городе, с чьей выи они сбросили ярмо рабства; однако сами консулы в своих речах на народных сходках и во всех своих высказываниях их прославляли. Ветеранов – тех, которых так называли и которым наше сословие торжественно дало заверения, подстрекали не беречь то, чем они уже владели, а рассчитывать на новую военную добычу. Предпочитая слышать об этом, а не видеть это и как легат будучи свободен в своих поступках, я и уехал с тем, чтобы вернуться к январским календам, когда, как мне казалось, должны были начаться собрания сената.

(III) Я изложил вам, отцы-сенаторы, причины, побудившие меня уехать; теперь причины своего возвращения, которому так удивляются, я вкратце вам изложу.

Отказавшись – и не без оснований – от поездки через Брундисий, по обычному пути в Грецию, в сестильские календы приехал я в Сиракузы, так как путь в Грецию через этот город мне хвалили; но город этот, связанный со мной теснейшим образом, несмотря на все желание его жителей, не смог задержать меня у себя больше, чем на одну ночь. Я боялся, что мой неожиданный приезд к друзьям вызовет некоторое подозрение, если я промедлю. Но после того, как ветры отнесли меня от Сицилии к Левкопетре, мысу в Регийской области, я сел там на корабль, чтобы пересечь море, но, отплыв недалеко, был отброшен австром назад к тому месту, где я сел на корабль. Когда я, ввиду позднего времени, остановился в усадьбе Публия Валерия, своего спутника и друга, и находился

там и на другой день в ожидании попутного ветра, ко мне явилось множество жителей муниципия Регия; кое-кто из них недавно побывал в Риме. От них я прежде всего узнал о речи, произнесенной Марком Антонием на народной сходке; она так понравилась мне, что я, прочитав ее, впервые стал подумывать о возвращении. А немного спустя мне принесли эдикт Брута и Кассия; вот он и показался, по крайней мере, мне – пожалуй, оттого, что моя приязнь к ним вызвана скорее заботами о благе государства, чем личной дружбой, – преисполненным справедливости. Кроме того, приходившие ко мне говорили, – а ведь те, кто желает принести добрую весть, в большинстве случаев прибавляют какую-нибудь выдумку, чтобы сделать принесенные ими вести более радостными, – что будет достигнуто соглашение, что в календы сенат соберется в полном составе, что Антоний, отвергнув дурных советчиков, отказавшись от провинций Галлии, снова признает над собой авторитет сената.

(IV) Тогда я поистине загорелся таким сильным стремлением возвратиться, что мне было мало всех весел и всех ветров – не потому, что я думал, что не примчусь вовремя, но потому, что я боялся выразить государству свою радость позже, чем желал это сделать. И вот я, быстро доехав до Веллий, увиделся с Брутом; сколь печально было это свидание для меня, говорить не стану. Мне самому казалось позорным, что я решаюсь возвратиться в тот город, из которого Брут уезжал, и хочу в безопасности находиться там, где он оставаться не может.

Так как вы, отцы-сенаторы, несомненно, признали справедливыми основания для обоих моих решений, то я, прежде чем говорить о положении государства, в немногих словах посетую на вчерашний несправедливый поступок Марка Антония; ведь я ему друг и всегда открыто заявлял, что я ввиду известной услуги, оказанной им мне, таковым и должен быть.

(V) По какой же причине вчера в таких грубых выражениях требовали моего прихода в сенат? Разве

я один отсутствовал? Или вы не бывали часто в неполном собрании? Или обсуждалось такое важное дело, что даже заболевших надо было нести в сенат? Ганнибал, видимо, стоял у ворот или же о мире с Пирром шло дело? Для решения этого вопроса, по преданию, принесли в сенат даже знаменитого Аппия, слепого старца. Докладывали о молебствиях; в этих случаях сенаторы, правда, обычно присутствуют; ибо их к этому принуждает не данный ими залог, а благодарность тем, о чьих почестях идет речь; то же самое бывает, когда докладывают о триумфе. Поэтому консулов это не слишком беспокоит, так что сенатор, можно сказать, волен не являться. Так как этот обычай был мне известен и так как я был утомлен после поездки и мне нездоровилось, то я, ввиду дружеских отношений с Антонием, известил его об этом. А он заявил в вашем присутствии, что он сам явится ко мне в дом с рабочими. Это было сказано поистине чересчур гневно и весьма несдержанно. Действительно, за какое преступление положено такое большое наказание, чтобы он осмелился сказать в присутствии представителей нашего сословия, что он велит государственным рабочим разрушить дом, построенный по решению сената на государственный счет? И кто когда-либо принуждал сенатора к явке, угрожая ему таким разорением; другими словами, разве есть какие-нибудь меры воздействия, кроме залога или пени? Но если бы Антоний знал, какое предложение я собирался внести, он, уж наверное, несколько смягчил бы суровость своих принудительных мер.

(VI) Или вы, отцы-сенаторы, думаете, что я стал бы голосовать за то, с чем нехотя согласились вы, – чтобы паренталии превратились в молебствия, чтобы в государстве были введены не поддающиеся искуплению кощунственные обряды – молебствия умершему? Кому именно, не говорю. Допустим, дело шло бы о Бруте, который и сам избавил государство от царской власти и свой род продолжил чуть ли не на пятьсот лет, чтобы в нём было проявлено такое же мужество и было совершено подобное же деяние; даже и тогда меня не

могли бы заставить причислить какого бы то ни было человека, после его смерти, к бессмертным богам – с тем, чтобы тому, кто где-то похоронен и на чьей мошле справляются паренталии, совершались молебствия от имени государства. Я, безусловно, высказал бы такое мнение, чтобы в случае, если бы в государстве произошло какое-нибудь тяжкое событие – война, мор, голод (а это отчасти уже налицо, отчасти, боюсь я, нам угрожает), я мог с легкостью оправдаться перед римским народом. Но да простят это бессмертные боги и римскому народу, который этого не одобряет, и нашему сословию, которое постановило это нехотя.

Далее, дозволено ли мне говорить об остальных бедствиях государства? Мне поистине дозволено и всегда будет дозволено хранить достоинство и презирать смерть. Только бы у меня была возможность приходить сюда, а от опасности, связанной с произнесением речи, я не уклоняюсь...

(VII) И прежде всего я выражаю Писону благодарность и глубоко чувствую ее: он подумал не о том, что его выступление принесет государству, а о том, как сам он должен поступить. Затем я прошу вас, отцы-сенаторы, даже если вы не решитесь принять мое предложение и совет, все же, подобно тому как вы поступали доньше, благосклонно меня выслушать.

Итак, я предлагаю сохранить в силе распоряжения Цезаря не потому, чтобы я одобрял их (в самом деле, кто может их одобрить?), но так как выше всего ставлю мир и спокойствие. Я хотел бы, чтобы Марк Антоний присутствовал здесь, но только без своих заступников. Впрочем, ему, конечно, разрешается и заболеть, чего он вчера не позволил мне. Он объяснил бы мне или, лучше, вам, отцы-сенаторы, каким способом сам он отстаивает распоряжения Цезаря. Или распоряжения Цезаря, содержащиеся в записках, в собственноручных письмах и в личных записях, предъявленных при одном поручителе в лице Марка Антония и даже не предъявленных, а только упомянутых, будут неизбежны? А

то, что Цезарь вырезал на меди, на которой он хотел закрепить постановления народа и постоянно действующие законы, никакого значения иметь не будет? Я полагаю, что распоряжения Цезаря – это не что иное, как законы Цезаря. А если он что-нибудь кому-либо и обещал, то неужели будет неизбежно то, чего он сам выполнит не мог? Правда, Цезарь многим многое обещал и многих своих обещаний не выполнил, а после его смерти этих обещаний оказалось даже гораздо больше, чем тех милостей, которые он предоставил и даровал за всю свою жизнь.

Но даже этого я не изменяю, не оспариваю. С величайшей настойчивостью защищаю я его великолепные распоряжения. Только бы уцелели в храме Опис дниги, правда, обагренные кровью, но при нынешних обстоятельствах – коль скоро их не возвращают тем, кому они принадлежат, – необходимые. Впрочем, пусть будут растрачены и они, если так гласили распоряжения. ...кое на что я даже закрываю глаза; что же касается важнейших вопросов, то есть законов, то отмену этих распоряжений Цезаря я считаю недопустимой.

(VIII) Есть ли лучший и более полезный закон, чем тот, который ограничивает управление преторскими провинциями годичным сроком, а управление консульскими – двухгодичным? Ведь его издания – даже при самом благополучном положении государства – требовали чаще, чем любого другого. Неужели после отмены этого закона распоряжения Цезаря, по вашему мнению, могут быть сохранены в силе? Далее, разве законом, который объявлен насчет третьей декурии, не отменяются все законы Цезаря о судоустройстве? И вы распоряжения Цезаря отстаиваете, а законы его уничтожаете? Это возможно разве только в том случае, если все то, что он для памяти внес в свои личные записи, будет отнесено к его распоряжениям и – хотя бы это и было несправедливо и бесполезно – найдёт защиту, а то, что он внёс на рассмотрение народа во время центуриатских комиций, к распоряжениям Цезаря отнесено не будет...

(IX) Второй из объявленных законов предоставляет людям, осужденным за насильственные действия и за оскорбление величества, право провокации к народу, если они этого захотят. Что же это, наконец: закон или отмена всех законов? И право, для кого ныне важно, чтобы этот твой закон был в силе? Нет человека, который бы обвинялся на основании этих законов; нет человека, который, по нашему мнению, будет обвинен. Ведь за вооруженные выступления, конечно, никогда не станут привлекать к суду. «Но предложение угодно народу». О, если бы вы действительно хотели чего-либо, поистине угодно народу! Ибо все граждане, и в своих мыслях, и в своих высказываниях о благе государства, теперь согласны между собой. Так что же это за стремление провести закон, чрезвычайно позорный и ни для кого не желанный? В самом деле, что более позорно, чем положение, когда человек, своими насильственными действиями оскорбивший величество римского народа, снова, будучи осужден по суду, обращается к таким же насильственным действиям, за какие он по закону был осужден? ...

Итак, права провокации этот закон не дает, но два необычайно полезных закона и два вида постоянного суда уничтожает. Разве он не призывает молодежь в ряды мятежных граждан, губителей государства? До каких только разрушительных действий не дойдет бешенство трибунов после упразднения этих двух видов постоянного суда - за насильственные действия и за оскорбление величества? А разве тем самым не отменяются частично законы Цезаря, которые велют отказывать в воде и огне людям, осужденным как за насильственные действия, так и за оскорбление величества?

(X) Изгнанников возвратил умерший; не только отдельным лицам, но и народам и целым провинциям гражданские права даровал умерший; предоставлением неограниченных льгот нанес ущерб государственным доходам умерший. И все это, исходящее из его дома, при единственном - ну, конечно, честнейшем - поручителе мы отстаиваем, а те законы, что сам Цезарь

в нашем присутствии прочитал, огласил, провел, законы, изданием которых он гордился, которыми он, по его мнению, укреплял наш государственный строй, – о провинциях, о судоустройстве – повторяю, эти Цезаревы законы мы, отстаивающие распоряжения Цезаря, считаем нужным уничтожить? Но всё же эти-ми законами, что были объявлены, мы можем, по крайней мере, быть недовольны; а по отношению к законам, как нам говорят, уже изданным, мы лишены даже этой возможности; ибо они без какой бы то ни было промугляции были изданы еще до того, как были составлены.

...Я хорошо вижу, насколько опасно иметь против себя человека раздраженного и вооруженного, особенно при полной безнаказанности для тех, кто берется за меч; но я предложу справедливые условия, которых Марк Антоний, мне думается, не отвергнет: если я скажу что-либо оскорбительное о его образе жизни или о его нравах, то пусть он станет моим жесточайшим недругом; но если я останусь верен своей привычке, [какая у меня всегда была в моей государственной деятельности], то есть если я буду свободно высказывать все, что думаю о положении государства, то я, во-первых, прошу его не раздражаться против меня; во-вторых, если моя просьба будет безуспешной, то прошу его выражать свое недовольство мной как гражданином; пусть он прибегает к вооруженной охране, если это, по его мнению, необходимо для самозащиты; но если кто-нибудь выскажет в защиту государства то, что найдет нужным, пусть эти вооруженные люди не причиняют ему вреда. Может ли быть более справедливое требование? Но если, как мне сказал кое-кто из приятелей Марка Антония, все сказанное наперекор ему глубоко оскорбляет его, даже когда ничего обидного о нем не говорилось, то мне придется примириться и с таким характером своего приятеля. Но те же люди говорят мне еще вот что: «Тебе, противнику Цезаря, не будет разрешено то же, что Писону, его тестю». В то же время они меня предостерега-

ют, я приму это во внимание: «Отныне болезнь не будут признавать более законной причиной неявки в сенат, чем смерть».

(XII) Но – во имя бессмертных богов! – я, глядя на тебя, Долабелла (а ведь ты мне очень дорог), не могу умолчать о том заблуждении, в какое впали мы оба: я уверен, что вы, знатные мужи, стремясь к великим деяниям, жаждали не денег, как это подозревают некоторые чересчур легковерные люди, не денег, к которым виднейшие и славнейшие мужи всегда относились с презрением, не богатств, достигающихся путем насилия, и не владычества, нестерпимого для римского народа, а любви сограждан и славы. Но слава – это хвала за справедливые деяния и великие заслуги перед государством...

Можешь ли ты вспомнить какой-нибудь день в твоей жизни, озаренный более светлой радостью, чем тот, когда ты, очистив форум от кощунства, рассеяв сборище нечестивцев, покрав зачинщиков преступления [избавив Рим от поджога и от страха перед резней], вернулся в свой дом? Разве тогда представители разных сословий, люди разного происхождения, словом, разного положения не высказывали тебе похвал и благодарности?..

(XIII) А ты, Марк Антоний, – обращаюсь к тебе, хотя тебя здесь и нет, – не ценишь ли ты один тот день, когда сенат собрался в храме Земли, больше, чем все последние месяцы, на протяжении которых некоторые люди, во многом расходящиеся со мной во взглядах, именно тебя считали счастливым? Какую речь произнес ты о согласии! От каких больших опасений избавил ты тогда сенат, от какой сильной тревоги – граждан, когда ты, отбросив вражду, забыв об австичиях, о которых ты, как авгур римского народа, сам возвестил, коллегу своего в тот день впервые признал коллегой, а своего маленького сына прислал в Капитолий как заложника мира! В какой день сенат, в какой день римский народ ликовали больше? ... Неужели ты, совершив во имя блага государства такие великие де-

яния, был недоволен своей счастливой судьбой, высоким положением, известностью, славой? Так откуда вдруг такая перемена? Не могу подумать, что тебя соблазнили деньгами. Пусть говорят что угодно; верить этому необходимости нет; ибо я никогда не видел в тебе никакой подлости, никакой низости. Впрочем, порой домочадцы оказывают дурное влияние, но твою стойкость я знаю. О, если бы ты, избегнув вины, смог избежать даже и подозрения в виновности!

(XIV) Но вот чего я опасюсь сильнее: как бы ты не ошибся в выборе истинного пути к славе, не счел, что быть могущественнее всех, внушать согражданам страх, а не любовь, - это слава. Если ты так думаешь, путь славы тебе совершенно неведом. Пользоваться любовью у граждан, иметь заслуги перед государством, быть восхваляемым, уважаемым, почитаемым - все это и есть слава; но внушать к себе страх и ненависть тяжело, отвратительно; это признак слабости и неуверенности в себе. Как мы видим также и в трагедии, это принесло гибель тому, кто сказал: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

О, если бы ты, Марк Антоний, помнил о своем деде!..

Но стоит ли мне пытаться воздействовать на тебя своей речью? Ведь если конец Гая Цезаря не может заставить тебя предпочесть внушать людям любовь, а не страх, то ничья речь не принесет тебе пользы и не произведет на тебя впечатления. Ведь те, которые думают, что он был счастлив, сами несчастны. Не может быть счастлив человек, который находится в таком положении, что его могут убить, уже не говорю - безнаказанно, нет, даже с величайшей славой для убийцы. Итак, сверни с этого пути, прошу тебя, взгляни на своих предков и правь государственным кораблем так, чтобы сограждане радовались тому, что ты рожден на свет, без чего вообще никто не может быть ни счастлив, ни славен, ни невредим.

(XV) А римский народ? Я приведу вам обоим многие суждения его; они, правда, вас мало трогают, что

меня очень огорчает. В самом деле, о чем свидетельствуют возгласы бесчисленного множества граждан, раздававшиеся во время боев гладиаторов? А стихи, которые распевал народ? А нескончаемые рукоплескания статуе Помпея и двум народным трибунам, вашим противникам? Разве все это не достаточно ясно свидетельствует о необычайно единодушной воле всего римского народа? И неужели вам показали малозначительными рукоплескания во время игр в честь Аполлона, вернее, суждения и приговор римского народа? ..

Я не напрасно возвратился сюда, отцы-сенаторы, ибо и я высказался так, что – будь что будет! – свидетельство моей непоколебимости останется навсегда, вы выслушали меня благосклонно и внимательно. Если подобная возможность представится мне и впредь и не будет грозить опасностью ни мне, ни вам, то я воспользуюсь ею. Не то – буду оберегать свою жизнь как смогу, не столько ради себя, сколько ради государства. Для меня вполне достаточно того, что я дожил и до преклонного возраста, и до славы. Если к тому и другому что-либо прибавится, то это пойдет на пользу уже не столько мне, сколько вам и государству».

КРАСНОМОВСТВО В ІМПЕРАТОРСЬКОМУ РИМІ

Час становлення імператорської влади у Римі – І ст. до н.е. У цей час республіканські традиції красномовства стають фактом далекої історії, а пропагування республіканської ідеології заборонене під загрозою смерті. Значення політичного красномовства упало, а піднесене було урочисте красномовство. Судове красномовство як і раніше процвітало, а імена знаних ораторів, наприклад, Епрія Марцела чи Аквінія Регула, були широко відомі і користувались великим авторитетом. Римське право складалося в жорстку систему, у промовах судових ораторів ставало все менше юридичного змісту і все більше формального блиску.

Докладні промови у дусі Цицерона ставали вже непотрібними, на зміну їм приходили короткі, влучні сентенції,

лаконічно відточені, загострені антитезами, вражаючі парадоксами. Усе підкорялось миттєвому ефекту. Новий стиль швидко набув поширення в філософії і драмі Сенеки, в епосі Лукана, в сатирі Персія і Ювенала.

Красномовству головним чином навчалися тоді у риторичних школах, де провідними посібниками залишалися класичні промови і трактати Цицерона. У цьому дусі було складено «Збірник декламацій» Сенеки-батька, свого роду хрестоматію навчальних промов за принципом *техне*. Досить змістовним у плані подання маси усіляких ефектних висловів, незвичних подій, (навіть і фантастичних) був відомий збірник «Достопам'ятні діяння і вислови», який підготував і видав у 31 р. до н.е. Валерій Максим.

Звичайно шкільні вправи поділялись на **суазорії** (переконуючі промови) і **контроверсії** (протиріччя), тобто промови стосовно вигаданого судового казусу. Приклад суазорії: «Агамемнон обговорює, чи принести йому в жертву Іфігенію, якщо мантис Калхас стверджує, що інакше плести неможливо?». Або приклад контроверсії: «Хворий вимагає, щоб раб дав йому оруту. Той відмовився. Вмираючий наказав спадкоємцям розп'яти раба. Раб шукає захисту у трибунів. Ритор, який виступає проти раба, дивується: «Уся сила заповітів загинула, якщо раби не виконують волю живих, трибуни – волю мертвих. Невже не пан рабу, а раб панові визначає смерть?». Ритор, який захищає раба, заперечує: «Безумний був той, хто наказав убити раба; а чи не безумний той, хто і себе хотів убити? Якщо вважати смерть покаранням, навіщо її просити? Якщо благом, навіщо нею загрожувати?»».

Зазначені шкільні вправи були чудовою гімнастикою для розуму та мови. Винахідливість і цікавість сюжету, психологічні колізії, патетика, орієнтація на образне сприйняття конфлікту, гра уяви – усе це зближувало риторіку і поезію. Наслідком цього став розвиток жанру авантюрного роману і інших плідних жанрів «другої софістики», що врешті-решт вплинуло і на розвиток європейської літературної традиції.

Марк Фабій Квинтиліан (бл. 35 – бл. 96) – визначний римський оратор і теоретик ораторського мистецтва. Написаний ним трактат «Про освіту оратора» залишається найдетальн-

ішим з усіх відомих нам курсів античної риторики. Квинтиліан вважав, що головною причиною занепаду красномовства є невідповідне виховання молодих ораторів. Щоб виховати оратора «достойним мужем», треба розвивати його моральність, а щоб він був здатним до промов, слід розвивати його смак. Першому сприяє філософія, а другому – вивчення кращих зразків красномовства.

Хоча Квинтиліан високо поцінював мистецтво Цицерона, між підходами до риторики Цицерона і Квинтиліана існує принципова розбіжність. Для Цицерона основу риторики складає вивчення філософії, для Квинтиліана – вивчення класичних письменників. Цицерон прагне бачити у особі оратора мислителя, а Квинтиліан – стиліста. Вищим суддею ораторського успіху для Цицерона завжди був народ, а для Квинтиліана – думка літературно підготовленого знавця. Цицерон бачив золотий вік ораторського мистецтва попереду, а його візаві – у далекому минулому.

Луцій Анней Сенека (бл. 4 р. до н.е. – 65 н.е.) був також визначною постаттю в історії нового красномовства. У молоді роки він досить успішно пробував свої сили в ораторському мистецтві, мав успіх, виступаючи з промовами у сенаті. Відомо, що Цицерон писав свої філософсько-етичні трактати у формі діалогу, а Сенека в своїх творах дійшов форми діатриби, тобто проповіді-дискусії, коли нові й нові питання спонукають філософа весь час із різних боків підходити до одного і того ж центрального тезису. Тим самим логічне доведення замінюється емоційним ефектом. Повторюючи одну тезу постійно, ритор демонструє невичерпні можливості слова, нові визначення, нові аспекти існуючого.

От, наприклад, філософсько-етичні міркування Сенеки стосовно плинності дійсності і сенсу життя: «Усе, що ми бачимо і відчуваємо, Платон не відносить до числа речей, які існують істинно. Адже вони невпинно прибувають і відходять. Ніхто не залишається у старості таким, яким був у юності. Завтра ніхто не буде таким, яким був учора. Наші тіла відносяться подібно до річок; усе, що ти бачиш, відходить разом із часом, ніщо із баченого нами не перебуває непопущеним. Я сам змінююсь, поки розмірковую про змінюваність усіх речей. Про це говорить і Геракліт: «Ми і входимо, і не

входимо двічі в один і той же потік». Ім'я потоку залишається, а вода вже утекла. Річка — більш наочний приклад, аніж людина, однак і нас відносить не менш швидка течія. І я дивуюсь нашому безумству, пригадуючи, до чого ж ми любимо тіло — найшвидкоплиннішу з речей, і лякаємось одного разу вмерти, в той час як кожна мить — це смерть нашого попереднього стану. Так не треба тобі боятись, щоб одного разу не трапилось те, що відбувається щоденно. Я говорив про людину, істоту нестійку і слабку, підвладну будь-якій порчі; але навіть світ, вічний і непереможний, змінюється і не залишається одним і тим же. Хоча у ньому і перебуває все, що було раніше, але інакше, ніж раніше: порядок речей змінюється».

У зазначених міркуваннях Сенеки є певна логіка і послідовність доведення. У той же час його філософія стверджує не тільки небуття-смерть, але і буття, оскільки все, що було, залишається в цьому світі, змінюючи лише своє місце, свій порядок у сукупності речей.

Вороги звинувачували Сенеку в тому, що він використовує в своїх промовах дешеві прийоми. Сам він заперечував звинувачення, бо йому, як філософу, слова як такі байдужі; вони важливі як засіб досягти потрібного впливу на душу слухача, а для цієї мети його прийоми придатні.

Сенека зайняв високу посаду в ієрархічній системі влади при молодому Нероні, в якого він довгі роки був наставником. Так трапилось, що і смерть Сенеки прийшла від Нерона. Імператор наказав своєму наставнику вмерти. І Сенека розкрив собі вени і жили під колінами, бо кров ішла слабо, і до останньої миті диктував писцям свою промову. Істинно правий філософ Сенека: «Утримаєш в руках сьогоднішній день — менше будеш залежати від завтра. Інакше, поки будеш відкладати, все життя і промайне».

ЕЛЛІНСЬКЕ ВІДРОДЖЕННЯ

Еллінське Відродження — останній період розквіту античної культури, пов'язаний з відносно стабільним життям у Римській імперії II-III ст. нашої ери. В цей час у культурі імперії значну роль відіграють Мала Азія, Сирія, а також

Африка. Тоді великої популярності набули мандрівні ритори, які демонстрували свою інтелектуальну вправність, виступали перед юрбою, як факіри, що демонструють дива. Це звище назвали «другою софістикою».

У цей час відомими риторами були Апулей (бл. 125 – 180) та Плутарх (бл. 45 – після 120), знані нині як автори відомих художніх та історичних творів. Блискучим і талановитим оратором був також Діон Хрисостом (40 – 120), який уособлював у собі ідеал мандрівного оратора і філософа-кініка. У середині II ст. популярним був Елій Аристид (бл. 117 – 189). За життя він був дуже знаменитим. Його промови несуть у собі багато містики, переоповідань віщих снів, пророчтв, описів жертвопринесень, чудесних спасінь, явлення бога самому оповідачу. Загалом ці промови відповідали умонастрою суспільства, натовпу, що відсторонився від суспільної проблематики, схильний до містицизму і забобонів, до крайніх форм східних містичних культів.

Лібаній (314 – 393) – найбільш цікава постать останнього століття античної риторики. Майстерності ратора і граматики з Антіохії наслідували і імператор Юліан Відступник (331 – 363), і його християнські супротивники-антагоністи Василь Кесарійський та Григорій Назіанзін. Як учитель красномовства Лібаній навчав своїх учнів певним риторичним вправам – декламаціям, серед яких були: **байка** (типу езопівської), **дигема** (розповідь на історичну тему), **хрия** (розробка морального принципу якимось знаним чоловіком), **сентенція** (розробка філософського положення), **спростування** або **захист** правдивості оповідання про богів або героїв, **похвала** або **осуд** якоїсь людини чи предмета, **порівняння** (двох людей або речей), **екфраз** (опис пам'ятника образотворчого мистецтва або визначної пам'ятки місцевості). У риторичних школах учні того часу отримували загальноосвітні знання, навички композиційної побудови промови, вчилися знаходити матеріал, який робив би промову жвавішою.

Важливим елементом навчання у школі Лібанія були **декламації** – риторичні «прописи», зразки яких учні зачували напам'ять. Такою була, наприклад, промова Менелая, який прийшов послом у Трою, вимагати видачі Олени. Іншим типом декламації були так звані **етології** – промови,

зміст яких демонстрував характери людей через виголошувані ними промови. От, наприклад, декламація – «Неприятний чоловік, який оженився на язикатій жінці, подає в суд на самого себе та просить смерті». Найбільше цього чоловіка турбує те, що він зустріне свою дружину у царстві мертвих, де вона знову примусить його слухати своє базікання.

Ритор і учитель Лібаній не може стримати свого гніву, коли йдеться про «дурних учнів»:

«Виноват ли наставник в том, что леность, недостаток способностей или добронравия помешали кому-то из питомцев его усвоить зерно наставлений, как хотелось учителю? Не в ученике ли самом, что безразличен остался к словам старшего – по легкомыслию, а может статься, оттого, что с уроком в душе не соглашался, ибо склонялся к примерам иным, – причина никудышнего результата? Представьте для сравнения земледельца, трудившегося на пашне усердно, орудия выбравшего наилучшие и самых крепких волов, однако оставшегося ни с чем, когда пришло время жатвы, ибо все приложенные усилия бесплодие почвы сгубило? Кого обвините вы в неудаче – пахаря или безжизненный грунт?

Какому угодно ремеслу обучаясь, – башмачника ли, плотника, – успехами ученики не одинаковы: один превзойдѣт учителя, другой точь-в-точь приѣмы мастера повторяет, ни на шаг от усвоенного урока отступить не отваживаясь; дурак же и азбуки дела не одолеет. А всё потому, афиняне, что разнятся люди природой своей в дарованиях и способностях, и иной раз усилия учителя тщетны».

Лібаній доречно використовував у своїх промовах риторичні запитання, антитези, ампліфікації, метафори, порівняння тощо. Усі прийоми його, як зазначали сучасники, зрозумілі і наочні, змістовні і застосовані до місця, тільки наведені у такій кількості, що загальний сенс того, що говориться, губиться в свідомості недосвідченого слухача.

Вражаюча обізнаність в літературі і ерудиція Лібанія в історії Еллади потрібні йому, насамперед, для пишних порівнянь, як прикраса, а не аргумент у політичній полеміці, як це було за часів Ісократів і Демосфена. Адже за часів Лібанія публіцистика стала мистецтвом кабінетним, а не публічним. На завершення наведу декілька фрагментів з його промови,

написаної у 365 р. і присвяченої пам'яті імператора Юліана, вбитого у 363 р.

ЛИБАНИЙ. Надгробное слово по Юлиану

«К нынешнему дню, почтенные слушатели, должны были исполниться все мои и ваши надежды: чтобы сокрушилась Персидская держава и чтобы не сатрапы, но римские наместники правили землю персов, и правили по нашим законам, и чтобы храмы наши украсились победною добычею, и чтобы воссел победитель на царском своем престоле, дабы принять хвалы за победу свою. Воистину, как я мыслю, таково было бы ему честное воздаяние, достойное многих всесожжений, кои воскурял он богам, – но нет! Ныне зависть демонская одолела благие упования, и мертвым воротился от рубежей вавилонских тот, кому самой малости не достало для завершения подвига его. Сколько можно пролить о нём слез, столько и пролито, однако же кому под силу спорить со смертью? Что нам теперь осталось, то и ему всего милее: пусть не услышать уже ему похвального слова делам своим, но хоть другие услышат слово моё, а потому скажу. И еще вот почему скажу. Во-первых, отняв награду у того, кто столь ревностно искал славы, я был бы попросту несправедлив, а во-вторых, был бы я прямым подлецом, когда бы того, кого живого готов был чтить, не почтил бы и опочившего. Мало того, что лишь низкий льстец в глаза угождает, а об отошедшем не поминает, но живого – то ежели словом и не порадуешь, так иным способом ублажишь, а для мертвых можем мы сделать лишь одно: хвалить их и славить, дабы во всех временах звучала повесть о доблестных их деяниях.

Вот и я, сколько ни затевал славословий достохвальному сему мужу, всякий раз находил речи свои ничтожными по делам его, однако же никогда – свидетели боги! – ничуть не досадовал, что доблесть царственного моего друга витийственности моей неpossильна, как ни люблю его. Воистину, полагал я, не к

общей ли выгоде граждан, ежели тот, кто восприял державу ради спасения многих, обгонит делами своими всякое слово? Даже битвенное его богатырство, на брегах океанских явленное, не сумел я восславить как надо, – так мне ли сегодня в единой речи успеть и о прежних его подвигах достолично поведать, да ещё и о походе на персов?

Право, когда бы он, милостью дольних богов воскреснув мне на помощь, соделался бы незримым моим сотоварищем в сем тяжком труде, то и тогда речь моя не была бы вполне соразмерна с деяниями его: хоть и прибавилось бы ей лепоты, да все же не столько, сколько надобно. Так неужто нужно уповать, что выйдет прок от усердия моего, ежели труд столь велик и огромен, а помощи нет?

Знай я заранее, что вы хотя и услаждаетесь словесами, однако же сознаете, сколь дела превосходнее речей, лучше всего было бы мне молчать. Но поелику вы и прежде в неизменном своем словолюбии речам моим рукоплескали, то, полагаю, и ныне по справедливости пристало мне не молчать, но сказать, как сумею, о государе моём и друге...

Как сказано у Фукидида о Перикле, что смертью своею яснее всего явил он, сколь много послужил государству, так же надобно сказать и о сем муже. И правда, хотя прочие обстоятельства отнюдь не изменились, однако же бойцы, доспехи, кони, военачальники, строй, пленные, казна, припасы – всё от одной лишь смены правителя пришло в совершенное ничтожество. Сначала они не сумели отбить тех, кого сами же прежде знали, а после соблазнились разговорами о мире – враги применили прежнюю уловку, но наши на этот раз завопили, что очень даже согласны, и больше всех был доволен новый правитель. Между тем Мидянин, прельстив их желанным покоем, не торопился: медлил с вопросами, мешкал с ответами, это принимал, от того отказывался, да ещё и несчетные послы его доедали наши припасы, покуда не настало в нашей войске полное оскудение и голод. Тут уж пришлось просить, ибо нужда

ко всему приневолят, и тогда-то царь захотел себе самой пустячной мзды: городов, областей и племен, кои были для безопасности державы Римской словно крепостные стены. А новому нашему всё было нипочем – всё отда-ет и всему поддакивает! До того дошло, что уж и я часто дивился, почему Мидянин при таком случае не хочет взять побольше – право, неужто кто-нибудь стал бы ему перечить, когда бы притязал он на земли хоть до Евфрата? Да хоть до Оронта, хоть до Кидна, хоть до Сангария, хоть до самого Боспора – никто бы слова поперек не сказал, ибо был при римлянах наставник, твердивший, что и оставшегося-де доста-нет для власти, и роскошества, и пьянства, и разврата! Ежели кто радуется, что такого всё же не случи-лось, тот пусть за радость сию благодарит персов, кои потребовали лишь самой малости, хотя заполу-чить могли все. Вот так-то наши молодцы побросали оружие – пусть достается врагу! – и повернули до-мой голы и босы, да еще чуть ли не все по дороге поби-рались, точно как после кораблекрушения...

О города! – ты воздвигнул бы их! О развалины! – ты отстроил бы их! О словесность! – при тебе была бы ей честь! О доблесть! – тобою бы она крепла! О справедливость! – при тебе воротилась она с небес на землю, а ныне вновь вознеслась от нас! О переменчивое счастье, о всеобщее благоденствие! – поздно началось и скоро кончилось! То, что случилось с нами, – вроде как если бы кто-нибудь у жаждущего, едва пригубив-шего прохладной и чистой воды, отнял бы кубок после первого глотка да с тем бы и ушел. Уж если суждена была нам столь скорая потеря, так лучше бы и вовсе не пробовать нам державства его – лучше, чем не ус-петь насытиться! А он отнял и ушел, дабы плакали мы не о неизведанном, но об изведанном, коего – и мы это знаем – более нам не вкусить, и это точно как если бы Зевес, уже явивши людям солнце, навсегда со-крыл его у себя и не творил более света. Что ж! Хоть и ходит солнце по обычному пути своему, но нет от того добрым людям прежней радости, ибо печаль по

усопшему, затопляя душу, помрачает разум, застит взор, и едва ли отличаемся мы от живущих во тьме.

Да и правда, что случилось после убийства государя нашего? А вот что. Снова хулители богов в почете, а жрецы в незаконном утеснении, снова за приношения и всеожжения небожителям взимается пеня, или, вернее сказать, кто побогаче, тот платит, а кто победнее, тот так и пропадает в тюрьме. Из храмов иные разрушены, иные стоят недостроенные на смех негодьям, а любомудры отданы на поругание палачам и всякий принятый от государя дар числится долгом. Да ещё и обвинения в воровстве! Вот и стоят ответчику летним полднем и мучиться на солнцепеке, покуда с него требуют не только полученное, но и то, чего он, по всей очевидности, и отдать не может, и не для того требуют, чтобы отдал, – невозможное и сделать невозможно! – а для того, чтобы за такую невозможность ломать на дыбе и жечь огнём. Учителей словесности, кои прежде были в приятелях у властей предержавших, ныне гонят от порога, словно каких убийц, а толпы прежних их учеников, видя такую слабость красноречия, разбегаются в поисках иной для себя силы...

Сильный словом и разумением, премногими добродетелями отличенный, не он ли был достоин первенствовать среди прочих, ибо во всем их превосходил? Никогда более не увидать нам его, но можно видеть его сочинения, а их немало, и все составлены весьма искусно. Многие сочинители хотя и состарились за писаниями своими, однако же решились испытать себя лишь в нескольких родах словесности, а большинства таких родов избегали, так что похвалы за написанное досталось им не больше, чем хулы за ненаписанное. А вот сей муж и воевать успевал, и сочинять: остались от него сочинения всех родов, и во всех родах превзошел он прочих сочинителей, а в письмах и самого себя превзошел. Перечитывая написанное им, обретаю я утешение в скорби моей, да и вам сии создания его облегчат печаль, ибо завещал он нам бессмертных чад

своих, кои не уничтожатся временем, стирающим с досок пестроцветные краски.

Овскормленник небожителей, и питомец небожителей, и совместник небожителей! О ты, малую пядь земли занявший могилою своею и всю вселенную поразивший изумлением! О ты, в боях победивший чужих и без боя своих! О ты, кто отцу милее сына, и сыну милее отца, и брату милее брата! О ты, содеявший великое и взыскующий величайшего! О ты, защитник богов и наперсник богов! Все презрел ты утехи и лишь в словесности находил себе усладу – прими же дар от скудного моего красноречия, ибо сам ты его возвеличил!»